

Дети, науку

Мария Щербинка

Мария Владимировна Щербинка

Лети, лаулу

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72116731

SelfPub; 2025

Аннотация

Небольшой поселок, старая малокомплектная школа, проблемная семья. Лида мечтает сбежать отсюда и поскорее. Но неожиданно всплывает сборник местных легенд, где скрыта история поселка и его обитателей. Духи Хийси бродят между домами, небесный олень спускается из небесных шатров, а вековые карельские леса наблюдают за всем происходящим и молчат.

Содержание

Пролог	4
Часть 1	7
Школа	7
Глава 1. Птицы	7
Глава 2. Можжевельник	19
Глава 3. Старшекласники	28
Глава 4. Дом	39
Глава 5. Куколка	60
Глава 6. Демиург	79
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Мария Щербинка

Лети, лаулу

Пролог

Перед ней стоял патронус Гарри Поттера. Она моргнула. Но светящейся олень никуда не исчез. Один в один сцена из «Узника Азкабана», на которого ее приглашали друзья из колледжа, еще в Петрозаводске. Не похоже, что во время вечернего отцовского «концерта» ее голова как-то пострадала, может быть, это наследственная шизофрения или что-то подобное?

Девушка похлопала рукой по тканевому рюкзаку за спиной, убедилась в его реальности и прикрыла за собой калитку. На улице стоял крошечный мрак, только желтая сфера скрюченного фонаря около колонки позволяла ориентироваться в пространстве. Беглянка встала рядом с огоньком и вновь посмотрела вдаль, где маячила голубоватая фигура призрачного животного. А в общем, какая разница? Галлюцинация или реальность? Если она сейчас же ни пойдет в сторону станции, то не успеет на утренней поезд до Питера. А следующий – только через неделю. Тогда еще и Ваня распахнется из-за ее молчания в «Аське». Хватит переживаний.

За спиной черной громадиной возвышался родительский дом, машущей ей на прощание кружевным тюлем через распахнутое окно. От вида белого подоконника, заваленного с обратной стороны учебниками сестры, сжалось сердце. Она ее бросала. Один на один с отцом. Еще есть мать, правда, что она сделает? Забьется в дальний угол и будет причитать, как сегодня? Или все же... ничего, все останется, как и сейчас.

Девушка глубоко вздохнула и пошла в направлении станции, ощущая кожей недовольное подрагивание ветвей золотокудрых осин. Серебристый огонек мерно двигался вперед. Ей удавалось различить рога и широкою спину, но сомнений не было, это действительно олень, только другой. У него крупная голова и массивные рога, а еще толстая шкура, такие обитают, где холодно. Может быть, он случайно сюда забрел из какого-нибудь заказника? Мало ли, может быть, северных олений рядом разводят?

Она побежала, придерживая рюкзак за обе ляжки. Великоватые кроссовки как на зло стремились угодить в каждую колдобину, невидную на проселочной дороге, а волосы предательски выбивались из пучка. Но существо не приближалось, оно как будто отдалялась от беглянки с той же скоростью, что она двигалась к нему. И где-то через пятнадцать минут девушка, сбившая дыхание, остановилась. Поселок почти пропал из виду, только одинокий столб играл проводами на ветру. Лес выжидал и с любопытством взирал на крошечную человеческую фигур, почти добравшуюся до опуш-

ки.

До станции оставалось каких-то двадцать минут, совсем немного и можно будет присесть на железную скамейку, подложить под голову рюкзак и выдохнуть. А потом и вовсе ни о чем не думать, только глядеть на чередовании зеленовато-сизого пейзажа, кое-где сдобренного желтыми пятнами низеньких берез. На городском вокзале перебраться на поезд, занять место и прикрыть глаза. И к Ване.

Девушка улыбнулась, вытерла пот с лица, обернулась в сторону поселка и громко закричала:

— Прости.

И тут же рванулась вперед, отметив, что светящегося оленя поблизости не было, а только красные огни пригородной станции успокаивающе перемигивались. На единственной платформе бурчала утренняя электричка, окутанная облаком пара, дым и желтоватого света. Настоящий российский аналог «Ночного рыцаря», предназначенного для волшебников, оказавшихся в сложной жизненной ситуации. Но она- магл, чудеса не по ее части, а вот билетик в счастливое будущее оказался бы совсем не лишним.

Через десять минут, надсадно охнув, старенький состав тронулся. За окном замелькали силуэты деревьев, становящиеся все отчетливее на фоне серебристо-синего утреннего неба.

Часть 1

Школа

Глава 1. Птицы

На разошедшемся деревянном подоконнике, пропитанным пылью и землей из-под комнатных цветов, сидел зяблик и клевал тыквенную семечку. Птице, видно, было не удобно качаться в подвесной люльке, сооруженной во дворе из старьей бутылки и шпагата из-под торга, и она устроилась отобедать на импровизированной жердочке. Ее совсем не смущало то, что через открытое окно на нее смотрела Лида.

Девочка надеялась, что птица вдоволь наестся прежде, чем полетит в лес, на место гнездования. Обычно, в конце марта и начале апреля, пока еще не весь снег стаял, лесным птицам было особенно голодно, холодно и опасно. Будучи ребенком, Лида устраивала вой и рев, стоило ей наткнуться на погибшую пичугу, валяющуюся на обочине проселочной дороге. Из-за этих давних неприятных воспоминаний Лида упорно продолжала вешать кормушки во дворе. Но противный голосок совести продолжал шептать, что она все равно делает недостаточно.

Отец, не одобрявший добросердечный порыв дочери, всегда говорил, что птицы поблизости – к переменам. «От них одна зараза и неприятности, не зря народ приметыв веками собирал» – как-то скакал он, глядя на четырех ворон, пристроившихся на крыше соседского сарая. А уж про птицу, обосновавшуюся около собственного дома, и говорить не стоит – изменения ждать себя не заставят, это уже подтвердилось и ни раз. Несколько лет назад, в особенно теплую весну, скворцы взяли в осаду лесничество, где работал Лидин папа. Незваные гости сидели на стареньких оградках, свешивались с крыш, путались под ногами и частенько воровали еду. Мужчины, привыкшие к странностям переменчивой природы, отмахивались и смеялись над птахами. Это де все потому, что в лесном хозяйстве, богатом на истоптанную почву, пахнет свежей землей, где всегда можно найти неповоротливого червяка или жирную личинку. Но, спустя пару недель, лесничество закрыли, обещая перенести в близлежащий крупный поселок. Так Игорь Валентинович и еще добрый десяток человек остались без работы, а их и без того небольшой поселок шагнул еще ближе к исчезновению.

В детстве для Лиды и ее сестры слова взрослых о том, что родные Гемлы полностью исчезнут были невероятно пугающим, вгоняющим в ужас событием. Как это не будет вечных разговоров у колодца или долгих походов в лес, возвращаясь из которых так приятно улечься на пол прохладной кухни, где всегда царит полумрак. Лежа, заявить маме, что сил

двигаться совсем нет и валяться так, пока не спадет жара. Исчухнет их старых дом, яблони, стойко исполняющие роль шалашей для детских игрищ, вечно кривой забор, исчезнет кривобокий мостик у озера и футбольное поле, перестанет гореть свет в окнах школы после зимних каникул, и люди тоже исчезнут. Но сейчас, Лида смотрела на медленно разваливающийся вокруг нее мир и принимала грядущие непоправимые изменения как неизбежность.

Многие коллеги отца, потерявшие работу, собрали вещи, жен, детей, и переехали вслед за лесничеством в Томбу. Поселок находился около мелкой речушки в шестидесяти километрах от Гемлов и в тридцати с небольшим от так называемого центра их округа – Сульозера. Но отец в то время наотрез отказался уезжать, да, собственно, куда должно было податься семейству Рядовых, не имевших маломальских накоплений, не говоря уже о желании бросить насиженное место. У семьи был крепкий, очень старый дом, которому скоро должно было исполниться три четверти века, отцовская копейка, собиравшая на себе все больше ржавчины с каждым годом, ничуть не двигаясь с места, и неказистое на первый взгляд лакированное пианино.

Пианино, как и все хорошее в скромной обители Рядовых, достала мама. Инструмент выглядел стареньким, похожим на большинство вещи в крошечном поселке, но в нем теплилась жизнь. Под слоем коричневого, практически медового дерева, прятались исправно работающие молоточки, звеня-

щие нетерпением струны и желание служить людьми. Это желание мама ощутила сразу, как направилась собирать коробки с ненужным барахлом, вывозимым из бывшего дома культуры. В главном зале, похороненное под горой истлевших тряпок и пожелтевшей бумаги, оно и стояло, пыльное, грязное, расстроенное. На следующей неделе пианино уже стояло в комнате девочек, став драгоценным подарком для старшей дочери. Инструмент остался, в отличие от Лены, дорогой сестрёнки, упорхнувшей в неизвестном направлении. Лида до сих пор любила подойти к коричневому инструменту, потрогать немного потрескавшийся лак, открыть крышку и вдохнуть запах фетровых молоточков, которые уже давно не били по клавишам, но от этого они не становились менее простым изобретением.

Пианино осталось, как и уже практически полностью ржавая, а когда-то былая копейка, и дом все стоял посередине поселка, всего в каких-то в паре десятков метров от колодца. За последнее Лида, отвечающая за чистоту посуды и жилища, была очень благодарна. А вот папа по итогу уехал, но не насовсем. Когда его продолжительные дальнобойные рейсы заканчивались, и отец на пару недель оставался дома, мужчина в основном отлеживался или пил, но это зависело от такого какое у него было настроение. Вот и сегодня Игорь Валентинович спал, свернувшись калачиком на продавленном красном диване, на котором раньше спала Лена, а после нее, в отсутствии главы семейства, Муся. Кошка любила за-

биться мордой между спинкой и сидением дивана, да так и замереть, повернувшись на спину.

Лида на цыпочках зашла в комнату, взяла рюкзак со стола, закинула туда тетради и, стараясь, как можно меньше скрипеть половицами, издававшими звуки, кажется, от дуновения ветра, вышла во двор. Оттуда взглянула на уже опустевший кухонный подоконник. До начала новой учебной четверти оставалось несколько дней, которые девочка обещала матери провести за учебой. Верная данному слову, она шла в школу, по щиколотку утопая в снежную кашу. Там был стабильный интернет и несколько компьютеров, имеющие доступ к интерактивной библиотеке. Снег, смешанный с оранжевой глиной, пачкал штаны, забивался в ботинки и, казалось, никак не вязался с солнечной погодой, радующей глаз жителей Гемлов уж неделю. Даже вечно суровые сосны, тянущиеся по обе стороны от центральной улицы поселка, не выглядели такими мрачными, как обычно, сегодня они напоминали нарядных взрослых, которые втихомолку улыбались, глядя на то, как их подопечные, молоденькие елочки, сияют на солнце свежими изумрудными иголками.

Навстречу Лиде плелась тетя Инна, снабжавшая Рядовых молоком и яйцами, каких у нее всегда водилось в избытке. Тете Инне было слегка за пятьдесят, она жила одна в доме напротив и, очень этим тяготилась, но при встрече каждый раз прятала мрачное настроение и приветливо улыбалась. Прошлое женщины казалось Лиде чрезвычайно удиви-

тельным, раньше тетя Инна работала в школе, но по мере того, как количество детей уменьшалось, все больше отпадала необходимость в учителя музыки, помимо которой, ради дополнительной нагрузки тетя Инна отказывалась брать какой-либо еще предмет. Именно из-за этого, шесть лет назад бывшая учительница музыки с радостью взялась в ученицы Леночку, мечтающую освоить нотную грамоту и игру на фортепиано.

– Тетя Инна, здравствуйте, – Лида приветственное обняла соседку.

– Здравствуй, Лида. Совсем я тебя не вижу, все в школе сидишь в этой. Мать твоя, конечно, дала маху, ну тогда. С компьютером.

Лида улыбнулась. После истории с сестрой, сбежавшей к другу по переписке, компьютер в их семье больше не водился. Лида чаще сидела в школьной библиотеке, иногда пользовалась телефоном, скачивала книги, но вот собственного личного рабочего выхода в сеть у нее не было. Девочка считала это достойной платой за возможность изучать то, что ей казалось необходимым для осуществления собственного грандиозного плана.

– Да ладно, тут до школы идти полчаса, мне не сложно, а интернет там получше, да и света больше, чем в доме. Да к нам еще отец приехал. Не позанимаешься особо. – Лида бочком стала обходить радушную соседку.

— Ну беги тогда, нечего в лужах снежных стоять, просту-

дишься, потом снова мама ворчать будет, что за лекарствами надо выбирается. — Тетя Инна помахала на прощание девочке и пошла в аккуратненький голубой домик, что стоял напротив посеревшего от времени жилища Лидиной семьи.

Тетя Инна раньше преподавала в Петрозаводской консерватории, но в лихие девяностые, замучившись ждать лучшей жизни, собрала вещи и решительно переехала сюда, к брату. Но тот после приезда учительницы пропал при загадочных обстоятельствах. Такие вещи происходили в Гемлах не часто, но все же случались. Кто-то говорила, что все виной темные делишки, крутившиеся вокруг перепродаже леса, но старожилы, видевшие не одно подобное исчезновение, утверждали, что парня непутевого дух леса заманил подальше, да так и не выпустил обратно. То была плата людей за холодную зиму, которую пережил весь поселок в защитном окружении широколобых елей и вытянутых сосен.

Тетя Инна осталась одна. В прошлом веке Гемалы были молодым, перспективным поселением, здесь жило больше пяти тысяч человек. Большинство из поселенцев работали на деревоперерабатывающей фабрике, которую с натяжкой можно было назвать фабрикой, скорее местом массовой заготовки древесины, идущей на продажу. Сбывали лес всем, кто мог заплатить, а долларом или рублем рассчитывался покупатель, никто не смотрел. Но, птицы снова постучались в окно, тогда было нашествие ворон. Большинство жаловались на птиц, несуетливые смеялись, однако лесозаготовительная

фабрика закрылась сразу после распада Союза. Люди еще несколько лет оставались здесь, дети ходили в школу, а тетя Инна учила их отличать Шопена от Шуберта и руководила хором. Но время шло, детей в когда-то самом современном здании поселка – школе, становилось все меньше. Сейчас, почти двадцать лет спустя после переезда тети Инны, хора в школе не собирали, потому что не находилось достаточно детей, чтобы разделить на два голоса.

Школа стояла в отдалении от жилых домов, которые с возвышенности напоминали выводок утят, сгрудившихся рядом с огромным тельцем мамы утки – горы, закрывавшей Гемлы со стороны нарубленного леса. Здание, куда шла Лида, стояло особняком на взгорке, отчего было видно с центральной улицы. На сегодняшний день, к сожалению, школа представляла собой печальное зрелище: каменный фундамент пошел трещинами, деревянные стены, покрытые ни одним слоем краски, напоминали высохшую и растрескавшуюся землю бесплодной пустыни, окна на первом этаже кое-где были забиты фанерой. Но, несмотря на букет неприятностей, учебное заведение работало.

В здании находился сразу и детский сад, где сейчас в одной группе занимались пять малышей разных возрастов; начальная школа, где едва было по два ребенка в каждом из четверых классов; средняя, где в этом году не набрали пятый класс и старшая, где значился один ученик – Лида Рядова. Школа держалась из последних сил, на последнем из-

дыхании, но все еще существовала, благодаря директору и по совместительству учителю всех технических дисциплин – Клавдию Григорьевичу. Он держал школу на плаву, даже когда учителя покидали поселок один за другим, он на свои деньги вставлял окна, ездил выбивал компьютеры для поселка, добивался особенного статуса для школы, который позволил бы учебному заведению функционировать в качестве мультиучебного центра. От пожилого мужчины упорно отмахивались обитатели теплых кабинетов, но старый учитель продолжал ездить из раза в раз в центр образования, пока это его окончательно ни подкосило.

Клавдий Гриневич с подорванным в Афгане здоровьем, с проблемным сердцем и непомерной тягой к справедливости, попал в больницу в начала марта, как раз, когда пытался в очередной раз выпросить новые парты для забытой всеми школы, спрятанной в сердце Карелии. Говорили, что мужчины становятся все хуже и хуже, но старик упорствует, сопротивляется просьбам родственников подумать о себе и пишет многочисленные письма во имя родной школы, не вставая с кровати. Все школьники и их родители, учителя с семьями, работники школы и местные старики, всем сердцем желали выздоровления директору и надеялись, что он вернется в взлелеянное им же учебное заведение.

Лида зашла в здание, привычно поздоровавшись со сторожем, веселым старичком, что дремал на хлипком облезлом стуле, стянула старую кожаную куртку и повисла ту в

пустой гардероб. Девочка пошла в самый дальний кабинет первого этажа – учебную комнату. Нельзя сказать, что дети из поселка лишали благ цивилизации. У всех был свет, который отключали лишь за неуплату, интернет в поселке так же имелся, за что жители оставались благодарны расположенной рядом железнодорожной станции, из-за которой на горке красовалась вышка, ловящая заветный сигнал. Вода из колодца и многоженства других мест, откуда ее можно притащить. Огромное футбольное поле, разбитое на месте старого лесоповала. Оно располагалось на противоположной стороне от школы, ровнѐхонько под земляной кручей, утыканной престарелыми сосенками, не дававшими склону рассыпаться. Из дальнего кабинета, которые ученики между собой именовали учебной комнатой, окно выходило прямо на весь поселок, оканчивающимся футбольным полем, где сейчас двигались несколько фигурок ребят и среднего звена.

Каникулы в Гемлах являлись самым тоскливым временем, особенно для тех, кто не могу уехать отсюда на своей машине. Да, можно было попроситься с дядей Мишей или семьей Дольских, но про это обязательно рано или поздно узнает мама и тогда начнется крик, слезы и истерика. Обязательно припомнит неблагодарность и, несомненно, сравнит с аморальной сестрой, к которой, хотела сбежать Лида. На самом деле Лида хотела съездить в кино, в Муезерском недавно открыли кинотеатр, где во время весенних каникул собирались показывать новый фильм, экранизацию одну из

любимых книг. Но мама это или не поняла бы или опять посчитала, что девочка врет. Оставалась только школьная библиотека и учебный класс с компьютерами, где прятался целый мир. Обычно, Лида занималась английским и историей, которые, хоть и были интересны, но без перерыва читать про реформы Александра I и учить исключения из правил английского языка было невозможно, поэтому девочка разрешала себе быстро просматривать фильмы. Не зря же давались каникулы.

Сегодня Лида выбрала любимый фильм. По экрану перемещался Индиана Джонс – кумир, вымышленный герой, ведущий юную мечтательницу к свету. Лучший археолог в мире грез, на которого она хотела быть похожа. Хотя, кто вообще в здравом уме хочет быть археологом в реальности, где уже нашли храм Афины, откапали пирами и открыли все древние саркофаги, перевели письменность инков и шумеров. Лида мечтала быть археологом, который найдет то, что скрывает родные земли. Ведь легенды не врут и здесь, в этих местах, обязательно должно скрывается что-то невообразимое. Правда о личном исследовании еще мало кто догадывается, но Лиду верит, что обязательно раскопает свой спрятанный город счастья. Тапиола – так называлась древняя страна в сказаниях.

До светлого будущего ужасно далеко, поэтому Лида продолжает смотреть на древние руины, по которым идут героини кинокартины, уже зная, что произойдет дальше. Фильмы эти

девочка могла смотреть без перерыва, снова и снова. Лида верила в сказки и считала, что все открытия и достижения в этом мире сделаны благодаря им, историям о которых снимают картины, пишут книги. Как же греческие легенды, благодаря которым мы знаем про чудеса света, как и египетские летописи, сохранившиеся и дошедшие до нас благодаря каменным гробницам, глиняные таблички из Вавилона и, конечно же, римские свитки. Везде были сказки. И здесь они есть. И она найдет свой храм Афины и...

Послышался резкий хруст ломающегося дерева, затем что-то полилось, и через несколько минут девочка увидела, как стена по левую руку от нее начинает проседать, словно бетонную конструкцию кто-то тянет вниз. Но школа была двухэтажной, поэтому за стеной первого этаже начал двигаться второй, потолок тоже принялся уезжать вниз. Сориентировавшаяся Лида, поняла, что медлить некуда, еще немного, и потолок соприкоснется с полом, не оставив от незадачливой школьницы мокрого места. Девочка, прихватив рюкзак, рванула за курткой, очень ценной и дорогой, и вопрос даже не в том, что одежда была кожаной. Это – подарок от любимой сестры. В коридоре сверху отваливалась штукатурка, падая небольшими пластинами на голову убегающей Лиде. За спиной скрипели челюстями осколков окна.

Через какие-то десять минут школа, в которой вот-вот должны были начаться занятия, просела. Лида, покрытая белой пылью, и встревоженный охранник стояли на улице и на-

блюдали, как перед ними нависает разрушенное здание с выбитыми окнами и, почти наверняка, нарушенным электро-снабжением. Теперь это было аварийное строение, не пригодное для начала учебной четверти. Теперь в Гемлах официально не существовало школы. Птица не зря сегодня села на подоконник. Начались перемены.

Глава 2. Можжевельник

Мама пришла поздно, привычно поправив разваливающийся забор и смахнув водяную кашу с крыльца, вошла в дом. На кухне Лида готовила ужин, а Игорь Валентинович чистил сушенную рыбу, оставшуюся еще с прошлого года. Над круглым столом, прикрытым стертой клеенкой, уютно горела желтая лампочка, завернувшаяся в резной абажур. От него по стенам там и тут рассыпались кружащиеся зигзаги. На чугунной сковородке пыхтело, топящиеся под крышкой рагу, а в кастрюле мерно булькал суп, иногда распространяя по комнатке стойкий запах вареной свеклы. Муся предано сидела у ног отца, зная, что ей непременно достанется немного сухой кожи или хвостов. В зарисовку мнимого благополучия, хотелось верить.

Стоили маме поставить сумку на стол и тихонько сесть на единственную неустойчивую и шатающуюся табуретка, как танцующие зигзаги замерли, а рагу на мгновение притихло.

– Дочь, я вашу Галину встретила, как со станции шла. Она

мне сказала, что школа сегодня рухнула, а ты едва не пострадала...

— Да все нормально, я ей сама же и отзвонилась. Я цела.
— Девочка покрутилась вокруг своей оси. — Только вот, учеба. Я думаю, не начнется вовремя, да? Вот, Клавдий Григорьевич...

Мама замерла, словно раздумывая над словами:

— Он умер сегодня. Галина сказала. — Она опустила руки на стол.

Даже Игорь Валентинович покосился на жену, выглядывшую расстроенной.

— И как теперь мы? — Лида присела на стул

— Да вот, не знаю как. Похороны завтра. У тебя же черное платье осталось? Наденешь его, тетя Инна тоже пойдет, загляни к ней утром. И еще, нарежь вербы хотя бы. Гвоздики и венки купит школьный профсоюз, но с пустыми руками не ходи, как-то некрасиво. — Мама смахнула подступающие к глазам слезы.

— Поешь, мам, я приготовила. — Лида сама чуть ни плакала.

— Игореш, ты завтра б тоже сходил, как-никак наш учитель был. Хороший человек, надо бы попрощаться.

— Да надо бы, но я собирался дрова поколоть, да и с копейкой разобраться, — сказал отец, отрывая хвост сушеному ершику.

Мама, услышав ответ, вздохнула, еще раз обтерла ли-

цо, приобняла дочь за плечи и пошла во двор снимать белье. Женщина всем сердцем уважала Клавдия Григорьевича, именно он когда-то сподвиг ее выучить математику, частенько оставался с девочкой после уроков, а после выпуска помог поступить в училище в Костомукше. Но мама оказалась чересчур упряма, вспыльчива, и к тому же до неприличия влюблена. Нет, не всепоглощающая любовь к природе и отцу оставило молодую особу здесь, привязала к старому дому ранняя беременность, материнство, а затем, как она сама говорила, омещаниванье.

Когда-то давным-давно мама был настоящей красавицей, обладательницей золотистых, как закатное солнце волос, и лучащихся беззаботностью серо-голубых глаз, в которых плескалась надежда. Но прошли почти тридцать лет с того момента, как были сделаны фотографии со счастливой мамой. Теперь женщина стала просто усталой. Волосы, пронизанные ранней сединой, постоянно обесцвечивала, утверждая, что это помогает выглядеть моложе. В глазах поселилась печаль, въевшаяся и беспросветная, ее не могла вытравить оттуда даже улыбка. Мама часто говорила, что не следует совершать ее ошибок, не стоит отказываться от целого огромного и прекрасного мира, ради чего-то ненадежного, особенно, если это ненадежное такое же молодое, как и ты.

Игорь Валентинович в отличии от супруги, напротив, утверждает, что в огромном мире нет ничего прекрасного. Ведь это вечная мука, которая заключается в бесконечном

выборе и борьбе за что-то лучшее. Намного приятнее четко знать, что у тебя есть свой угол. Где на одном и том же месте стоит кровать, шкаф и стол, в погребе – пять банок с огурцами и десять с помидорами. Хорошо осознавать, что ты не пропадешь в родном лесу, где есть рыбное озеро и море целебных трав. Лида частенько задавалась вопросом, почему такие разные люди, по сути, в данный момент времени связанные лишь единым хозяйством, до сих пор живут вместе. Когда-то, после очередной полуссоры между родителями, Лена, еще не испортившая отношения с матерью, во всеуслышанье задала этот вопрос:

— Почему вы все еще вместе, если так друг друга ненавидите? Может быть, хватит убегать? Вы же взрослые, разве нет?

Тогда родителя было по тридцать пять лет, но, кажется, цифра в паспорте ничуть не влияла на способность решать весящий над головами дамокловым мечом вопрос. Не удивительно, что на следующий день мама, как всегда, пошла на станцию, где работала оператором, а папа еще до рассвета, поплелся, слегка шаркая ботинками, в лесничество, где перед коллегами был весел и разговорчив.

Лида выключила плиту и, положив себе еды в глубокую, шербатую тарелку с расписной каймой, начала есть, размышляя о том, какие цветы она принесла бы завтра на похороны. Клавдий Григорьевич был очень интересным человеком. Положить ему на могилу гвоздики или цветущую сейчас у

озера вербу, казалось чем-то кощунственным. Он был настоящим сердцем школы, сердцем, душой, и чем-то большим, и одновременно незаметным, словно стволом могучего дерева, вокруг которого школьники гнездились, как вольные птицы. Учитель обожал математику и физику, мог очень долго рассказывать про принципы работы нагревательных элементов или неоновых ламп, а на каждое первое сентября, скромно улыбаясь, просил не дарить ему цветы, а лучше посадить что-то на школьную клумбу или принести саженец на парадную аллею. Мечтой директора школы было собрать все лесные растения, чтобы ребяташки могли любоваться деревьями, являющимися символам здешних краев, топая на уроки. Пожилой учитель говорил, что так каждый сохранит о себе память для баюющих жителей Гемлов.

Лида улыбнулась, подцепляя кусочек картошки. В прошлом году девятиклассники принесли какое-то диковинное растение, обозванное за неимением лучшего варианта можжевельником. Вскоре выяснилось, что это туя, предназначенная для украшения клумбы, близ железнодорожной станции. Ребята просто выкопали ее, чтобы принести в школу. После этой истории, Клавдий Григорьевич сказал, что деревья хороши тем, что дают нам тень, но если ты хочешь перенести дерево, которое уже дает чему-то тень, то получится у чего-то ты ее забираешь. Не стоит жертвовать одним ради другого, особенно если это не равновесные жертвы. Несчастную тую, без лишних вопросов вернули обратно,

воткнув вместо нее маленький кустик можжевельника.

Можжевельник рос везде и в любых условиях, особенно, здесь, где неприхотливые ростки окружали камни и полупустая земля. Лида знала, что от куста очень сложно избавиться, что если саженец прирос к чему-то, то никогда не оставит кусок земли, вцепится в него корнями намертво. И тень над этим место будет всегда, даже когда высохнут гвоздики, и верба превратится в труху. Можжевельник никогда не бросит, не забудет и не погибнет. Он станет тем стволом, соединяющим все вместе и при этом будет незаметен и одновременно значимым. Можжевельник, как Клавдий Григорьевич, будет поддерживать и успокаивать нуждающихся.

На следящий день, среди похоронной процессе, состоящих из школьников, плачущих старушек и остальных свободных жителей поселка, Лида, одетая в застиранное черное платье, шла с железным ведром, в котором гордо торчал кустик можжевельника из леса.

Цветов и венков было много, один даже прислали из злополучного министерства образования. Плачущие люди, увядшие цветы, оранжевая глина и осколки прошлого заполнили крохотное сельское кладбище. После того, как нужные слова были сказаны, все, кто хотел, попрощались с покойным, и гроб опустили в землю, Лида тихо, старясь не стучать ведром, подошла к племянницам умершего и попросила разрешения посадить можжевельник рядом с могилой.

– Извините, я знаю, что он не любил живые цветы. Можно

я посажу рядышком куст, он разрастется, будет красиво.

– Да... Наверное. Только надо, подождать пока все уйдут. Приходи, попозже, как успокоится канитель эта мрачная. Какая молодец, – девушка в сером пальто улыбнулась девочке и похлопала по плечу.

– Он бы был очень рад тому, что вы помните, что он любил, – сказала вторая женщина в вязанной шапке и черной куртке.

– Соболезную вам, – Лида попрощалась и, стараясь не привлекать внимания, отошла к соседним могилам, поставила рядом с каменным памятником жестяное ведро, обещая вернуться попозже.

Потом был поминальный обед, развернутый племянницами Клавдия Григорьевича прямо во дворе дом. Было шумно и странно, словно жизнь, которая из уважения к умершему должна была замереть, продолжалась, как и положено, пошла своим чередом. Кто-то смеялся, кто-то ел, кто-то шел домой готовит ужин. А кто-то радовался тому, что можно выпить лишнюю стопку, имея для этого весомый повод. Лида сидела между девочками из седьмого класса, которые во всю уплетали пирожки с повидлом и старушкой из желтого дома, пришедшей на поминки вместе с крошечной собакой, высывавшей нос из большой клетчатой сумки, стоящей на полу. Пес надеялся получить еще кусочек котлеты.

Практически к окончанию обеда, во двор зашла мама, державшая в руках букет из миллиона веточек гипсофилы,

обернутых в газету. Женщина ездила в город, чтобы принести цветов. Мама примостилось на крайнюю свободную табуретка, сразу же опрокинула рюмку, коротко о чем-то переговорила с бабушками из дальнего дома и жестом поманила Лиду за собой.

На улице, где было удивительно тихо, начинало темнеть, оставшийся снег едва-едва начинал принимать сиреневые отплески, а оранжевая глина, начинала отдавать коричневым. Мама шла медленно, слегка сбиваясь с протоптанной колеи, покрытой разбросанными еловые ветками и красные цветами, смятыми множеством ног, из-за чего цветы перестали походить на гвоздики.

– Как на работе, мама? – Лида спросила, старалась идти рядом с женщиной.

– Да как-то не ладно работалось сегодня. Из рук все валится. Много невнятной суматохи было. Вас теперь, говорить, будут возить до новой школы на автобусе. Сегодня председатель договаривался, водителя искали, да, как обычно, не сошлись в деньгах. Нашу школу забросят. Жалко.

Лида подозревала, что так и будет, на надеялась, что учебный год они худо-бедно закончат в старом здании. Но теперь отстоять развалину было некому, единственного, кому было не безразлична судьба Гемлов, медленно исчезающих с карты Карелии, сегодня опустили в землю.

– Сказали, что оставят левую часть. Подремонтируют что-то, и будет это библиотекой, хотя не знаю, как можно верить

словам. Ну в общем... Да, придется тебе в новую школу топать, что тут поделать.

Женщина приобняла девочку за плечи. Они как раз дошли до свежей могилы, над которой возвышался деревянный крест, окруженный горой цветов.

– Вербу-то принесла? – Мама вопросительно посмотрела на девочку, подтаскивающую ведро с можжевельником.

Лида принялась пристраивать кустик рядышком с разноцветным холмом, так, чтобы растение не затоптали, когда будут устанавливать постоянный памятник.

– Почему не вербу?

– Он же не любил отрезанные растения, да и красивое оно.

Написано же в книжке, что можжевельник от духов злых защищает. А на кладбище их много. Ты ж знаешь, тем более весной, когда солнце еще не вошло в силу и...

– Господи, ты туда же. Кто тебе-то этот бред про духов и нечисть в голову вбил? Вроде бы, тебе шестнадцать, почти семнадцать. Разве молодежь говорит о таком? Это все наши местные бабули жуть нагоняют.

Лида закончила окапывать можжевельник кусочком доски и встала рядом, любуясь проделанной работой.

– Думаю, что есть много, чего мы не видим. Ну, или нам хочется не видеть. А духи леса всегда были тут, откуда взялись бесконечные истории про пропавших? Да ладно, девочка улыбнулась, – я шучу. Никакой жути, про охранительные свойства можжевельника где-то читала вот и приплела. По-

шли домой?

Женщина еще раз посмотрела на букет гипсофилы, белеющий среди горы кровав-красных цветов. «Цветы, дарящие веру в будущее» – когда-то назвал их Игорь и вручил возлюбленной букет мелких цветов. Она в данную минуту ненадолго поверила, что у бывшего учителя математики будет некое «после», где-то в ином месте. И оно будет куда лучше крохотно практически пропавшего с карты поселка, где живут меньше пятисот человек.

Глава 3. Старшеклассники

– Еся, подъем, у тебя полчаса до выхода. Не забудь сестру разбудить, – прокричала мама, стоя в дверях.

Взъерошенный мальчишка нехотя вылез из-под теплого одеяла и быстро, иначе соблазн вернуться в сонное царство казался слишком великим, побежал к раковине, над которой злобно поблескивал рукомойник с ледяной водой. В доме было темно и холодно, частично, потому что обогреватель, презентованный сердобольными соседями, не особо работал, частично, потому что зимние запасы дров полностью вышли. На столе, за который Еся запнулся пока спешил к умывальнику, мама оставила кастрюли с рисовой кашей, обернутой полотенцем. Постаралась чтобы к подъему Милы еда осталась теплой.

Парнишка сегодня должен был явиться в школу раньше,

чтобы помочь с выгрузкой парт, привезенных из Гемловской школы. Обещали доставить не только парты, но и учебники, карты, аппаратуру, много чего нужного, а он как один из двух старшеклассников на всю школу, просто обязан был помочь, по словам Антонины Семеновны. Когда вообще детский труд стал разрешен? Еся, конечно, знал, что в школе тотальный дефицит рабочей силы, но почему всегда отдувался он? Девятиклассников-пацанов было четверо, и их бы приобщать к общественно-полезному труду, особенно, учитывая, что многим до школы было идти еще ближе. Ладно, девятиклассники жили в каких-то пяти минутах ходьбы от школы, а Еси надо было прошагать все одиннадцать и все же, почему опять он? Парень лишь вздохнул, стоически застегнул красную рубашку, натянул коротковатые брюки и пошел будить сестренку, которую еще надо было заплести.

Мила привычно спала поперёк кровати, намотав одеяло на голову, и что-то бормотала во сне. Девочка заканчивала третий класс и по меркам ровесников считалась маленькой. Сестра являлась вылитым ангелом – маленькая, хрупкая с длинными светлыми, быстро выгорающими на солнце волосами, огромными золотисто-зелеными глазами и такой трогательной улыбкой, что сердца более-менее чувствительных взрослых людей, в том числе и брата, таяли мгновенно.

– Сестра моя, вставай. Мне тебя заплести надо. Давай, снимай одеяло. Улыбнись новому дню!

Девочка сомнамбулически встала, на цыпочках, стараясь

не касаться всей ступней холодного пола, дошла до умывальника, куда Еся добавил горячей воды. Звякнул кран, ударившейся о дно раковины, теплая вода медленно потекла вниз.

– Косы, хвостики или колосок? – спросил парнишка, вооружаясь расческой и резиночками, надевая их на пальцы для удобства.

Мила плюхнулась на стул, стоявший спинкой к брату, и что-то невнятно пробурчала.

– Понял. Косы. Не дергайся только, а то потом снова голова болеть будет.

Через десять минут за столом, уплетая кашу, сидела полностью собранная девочка – божий одуванчик с двумя аккуратными косичками.

– Ты сегодня рано? Опять помочь попросили? – Спросила девочка, смотря на брата, натягивающего расклеившиеся ботинки.

– Да, как всегда. Да ладно, после уроков меня подождешь в библиотеке, за продуктами сходим, хорошо?

– Ага.

– Ну все. Давай, зяблик-кораблик, я пошел. Дом закрыть не забудь.

– Ага. – Девочка запихнула в себя еще одну ложку каши.

В Гемлах неделю назад рухнула школа. Сей факт оказался печальным событием для учащихся из этого поселка, которых теперь в темпе неизвестного в природе танца пере-

ли в сульозерскую школу, определенно не готовую к многочисленному прибавлению. В большинстве классов парт стояло ровно по количеству учеников, по английскому языку, как показала ревизия библиотечного хранилища, не хватала учебников, возникли сложности с автобусом, дополнительным количеством обедов, социальными выплатами. И еще много с чем. Но обучение оставалось обязательным, из-за чего сегодня вместе с недостающими партами должны были прибыть гемловские учащиеся.

Еся всем сердцем надеялся, что в старшее звено придет еще один парень, способный таскать мебель. Конечно, был еще Колян, крайне редко задерживающейся в школе, хотя его и привозили из Томбы сердобольные соседи. Парень часто растворялся в окружающих школу зарослях. Зачем Колян пошел в десятый класс, а после в одиннадцатый – было большим для Еси вопросом. Почему им не задавались учителя, наблюдая как из 11 «а», в котором учились два человека, на уроки ходит только Кулемина Настя, напоминающая печальную сурикату.

Естественно, в восемь утра, около школьного крыльца стоял неизменный завхоз дядя Леша, любящий иногда пропасть из-за «личных обстоятельств», крепкого аргумента, завладевшего мужчиной уже давно. Коляна не было. Новых «старшекласников», готовых таскать мебель на своем горбу вверх по лестницам, тоже.

– Здорово, дядь Леш. И снова только мы. Что таскать на-

до?

– Да подвезут с минуты на минуту, там еще пара компьютеров для класса информатики, их поаккуратнее. – докуривая сигарету, сказал коренастый мужчина в синей спортивной куртке и ободряюще похлопал парня по спине.

И действительно, через несколько минут подъехала белая газелька с серой наклейкой на боку. Парты, стулья, компьютеры, коробки с книгами, прозрачные контейнеры с техникой и высокий парнишка, прижимающий к груди несколько свернутых в рулоны географических карт, оказались внутри. Дядя Леша и Еся взялись переносить парты, а новенький схватил книги и карты под мышку, поспешил за ними.

– Извините, скажите, где тут кабинет истории, мне надо отдать. – У парня был глубокий хрипловатый, несколько даже девчачий голос.

– В конце вестибюля, налево и до конца. – Еся оттарабанил, берясь за еще одну парту.

– Спасибо! – Парнишка убежал, перекинув через плечо оранжевый рюкзак.

Еся чертыхнулся про себя, подумал, что очередной помощник исчез в невысоком пришкольном кустарнике, и компьютеры на второй этаж таскать снова придется одному. Но быстроногий пришелец прибежал обратно, и они вдвоем начали дружно поднимать системные блоки на второй этаж, аккуратно, как попросил дядя Леша. Потом мальчишки отнесли оставшиеся учебники в крошечную библиотеку и, о чудо,

успели до начала уроков.

– Блин, спасибо, так бы мы с дядей Лешей еще долго таскали, ну ладно, не долго, но на математику, я бы точно не успел. Ты ж из разрушившейся школы? Из какого класса? Почему не со всеми вместе приехал?

– Из 10 «а», вроде бы. Да вот, попросили проследить, чтобы ничего в дороге не побилось. Старшеклассник. Большая ответственность... – Парнишка поправил козырёк кепки.

– Как я тебя понимаю. – Еся крепко пожал товарищу по несчастью руку.

– О, ладненько, как все устроилось. Меня Есений зовут, можно просто Еся. – Парень протянул руку, теперь уже желая познакомиться.

– А...

Но новенькому не дал договорить раздавшийся звонок, послуживший пинком полусонной школе. Ученики, болтающиеся в коридоре, поспешили в учебные классы.

– Быстрее давай, математика сейчас. Если опоздаем, будем до конца урока у доски торчать. Погнали.

Еся, на ходу стягивая куртку, в три прыжка поднялся на второй этаж и залетел в кабинет напротив лестницы. Охнул, жизнерадостно улыбаясь:

– Утро доброе, Лидия Михайловна, я по старой доброй традиции помогал любимой школе. Правда со мной еще...

За ним в кабинет влетает запыхавшийся новенький, едва не рухнув на пол из-за высоко поднятого порога.

– Доброе утро, извините за опоздание. Я сегодня только из Гемлов...

– Эх, Есений. Все тебе простить могу. Но опять ты в свой красной рубахе, зла на тебя не хватает. Садись, Сидоров. А вас я попрошу представится.

Новенький подошел к доске, снял кепку с массивным козырьком, под которой скрывались волнистые волосы длиной по плечи. Кое-где в них поблескивали железные колечки, вставленные в тонкие косички. Теперь нельзя было отрицать очевидного – новенький был девчонкой. Высокой, скуластой девчонкой с веснушками, рассыпанными по всему лицу, небольшими карими глазами и тонкими губами, над которыми подрагивала небольшая родинка. Девчонка была одета в мешковатые штаны, высокие, хороши зашнурованные битники на толстой подошве и невероятную кожаную куртку, размер которой было сложно определить.

Еся едва не хлопнул себя по лбу от досады. Помимо него в классе училось еще две дамы, жившие своим собственным мирком, состоящим из ярких и непонятных журналов, приглушенных разговоров и периодического страдания над заваленными контрольными. Девчонки то ли считали парня ниже своего уровня, то ли просто предпочитали компанию друг друга, но тесно они не общались. Ира и Полина сидели вместе, везде ходили парочкой, жили в соседних домах и вполне себе были довольны, оставаясь друг у друга. И теперь вот еще одна, просто прекрасно.

– Меня зовут Лида Рядова. Как вы поняли, я из Гемлов.

Девочка окинула взглядом небольшую мрачную комнату. Состоящий из четырех парт класс, за одной из которых сидели две удивительно похожие девочки в черных жилетках, а перед ними – парень в когда-то огненного-красной, а ныне выстирано-малиновой рубашке, ее утренний знакомы, Есенин. Лида где-то читала, что имена и Есения и Есенин происходит от греческого слова «небо». Первый раз она видела человека, которому бы так подходило собственное имя, у мальчишки были удивительные глаза цвета небосвода, промытого дождем. Сейчас утренний знакомый выглядел явно раздосадованным, словно ожидавшим увидеть на ее месте кого-то другого

– Садись, Смирнов, убери свой рюкзак. – сказала учительница, возвращаясь к написанию сегодняшней темы.

– Ты прям поник весь, спокойно. Еще найдется славный парень для компании, – сказала Лида, пихнув Есю, который тут же тихо прыснул.

– Если сможешь мне иногда стулья грузить, ты тоже будешь отличной компанией, – Еся шепнул в ответ.

Математика прошла удивительно быстро, возможно, виной тому был новый материал, изученный для олимпиады ранее. А может быть дело было в том, что Еся то и дело бросал взгляд на Лиду, пугающе низко наклонившуюся над тетрадь. Она старательно выводила буквы. Девчонка писала буква левой рукой, выгибая ее под таким углом, что стано-

вилось страшно за сохранность запястья, унизанном браслетами. После обычно иссушающей всю душу математики, сегодня на русский было тащится даже как-то терпимо.

– Так и кто ты по жизни? Ну, кроме того, что под парня хорошо косишь? – Еся плюхнулся рядом с Лидой, собиравшейся воткнуть в ухо поплавок белого наушника, чтобы отгородится от непонятной и незнакомой обстановки.

– Хм, интроверт?

– Не похожа. Скорее, хочешь казаться.

– Зато ты за все село экстравертностью мир заполняешь? Красная рубашка, рыжеватые волосы? Точно в школу пришел? Цирк в другой стороне.

На что Еся расхохотался.

– Именно так, никак иначе. Да и заполнять тут особо нечего. Пойдём, кстати, познакомлю со старшаками. Ира, Полина вы с нами? Приобщать человека к обществу? Нет. Ну ладно. Ну что за люди. – Еся, чуть не запутавшись в длинных ногах, вылез со своего места и вышел в коридор.

– Ну, в общем, я так послушал в учительской. Ты одна из старшего звена? Нас вон трое несчастных, и еще Настя с Колянком в одиннадцатом. Пошли?

Еся прошел по коридору, где поздоровался за руку с несколькими мальчишками, оттащил одного от ревушей девчонки в клетчатом сарафане, которая удивительно быстро угомонилась. Затем помог миниатюрной старушке – учительнице, донести огромную стопку тетрадей до кабинета по лест-

ницей и уже оттуда помахал отставшей Лида, позвав за собой дальше.

Ребята снова поднялись на второй этаж. Сопровождающий тихо приблизился к кабинету, рядом с которым крутилась невысокая девочка на убийственных каблуках, то и дело поправляющая длинные осветленные волосы, норовившие упасть на лицо.

– Ну что Анята, часовые на посту, объект на месте? – Еся широко улыбнулся ей.

– Да иди ты, Есений. Я вообще просто...

– Просто шла на Коляна посмотреть. А он, как всегда, курить улег. Ну ничего, приходи к четвертому уроку, там как раз обед, он вернется. Настя!

В этот момент блондинка протиснулась мимо старшеклассника и, слегка покачиваясь на очевидно неудобных, но очень красивых туфлях, посеменила восвояси.

– Настя, вот спешу тебе представить, так сказать, мой новый коллега по утренней и вечерней погрузке инвентаря. Это Лида, она по жизни интроверт. У вас с ней много общего. Ну короче, я пошел. – Еся, слегка косолапя, такая же быстро, как и пришел, потопал обратно.

– Ничего не поняла, ну очень приятно, я Лида. – Новенькая протянула руку девочке в огромных очках с черной оправой.

Настя скромно улыбнулась и пожала Лидину протянутую ладонь, с опаской глядя на обкусанные ногти и кровавые за-

усенцы.

– Да он всегда такой, не пугайся сильно, Еся тут у всех, как папочка. Кого с кем подружить, кого с кем помирить, кому по щам дать. Он же все перемены проводит, наблюдая по-орлиному, чтобы было спокойно. Золотой человек.

– Такой золотой, что ему никто не помощь не приходит? Я сегодня целое утро слушаю про парты.

– Ну напряженкам у нас с мальчиками. Это правда. Ещё вот Фальков где-то ходит, но он пропащая душа, всегда на отшибе, про него можно не вспоминать.

– На отшибе?

– Ой, я его вообще еле перевариваю. Ты лучше у Ани спроси, вон у той тщедушной блондиночке, она директор его фан-клуба. Ну смысле, она его постоянная поклонница. Если захочешь с ней поговори о моем «замечательном» однокласснике, она тебе все, что хочешь про него расскажет. Не удивлюсь, если он и сам того не знает, что выведала она. Мне надо повторить, ты не против?

– Да, конечно, занимайся.

Лида помахала на прощание и уже в самых дверях разошлась с высоким длинноволосым парнем, чем-то напоминающего Хаула из «Ходячего замка» и Хитклифа из «Грозового перевала» с Райфом Файензом. Видимо, это почтил урок присутствием загадочный Колян, растворяющейся в пространстве и времени.

Глава 4. Дом

Новая школа нравилась Лиде. Здесь девочка была окружена старыми знакомыми и новыми приятелями, знала всех учеников начальных классов, приятельски болтала с шестиклашками, обедала вместе с Настей и ее подружками из девятого класса, смеялась над шутками учителей. Внутри двухэтажного здания с небольшими окнами, украшенными необычными светлыми наличниками в мелкий цветочек, скрывался целое государство, которое стремилось к гармонии и равенству.

Лида, до этого ходившая в школу, только из-за необходимости, неожиданно полюбила ездить в старенькой газели, которая обязательно останавливалась около высокого бетонного крыльца. В школе был уютнее, чем дома. Спокойно, живо, а сосед по парте и единственный вменяемый одноклассник, явно обладающей любовью эпатировать публику, много и искренни шутил. Заставлял улыбаться чаще, чем того требовала рабочая обстановка. Здесь, в сульозерской двухэтажной школе, пахнувшей старым деревом и пропотевшей насквозь второй обувью, девочка чувствовала себя в безопасности. Ведь возвращаться домой сейчас было даже опаснее, чем в те времена, когда Ленка вернулась из колледжа.

Как-то само собой девочка обосновалась в Сульозере. Лида начала ночевать в старой школьной кладовой, спасаясь

от ужаса, в который превратился их дом, после отцовского срыва на прошлой неделе. Легенда была продумана – мама считала, что Лида ночует у Насти, ее близкой подруги, показавшей себя прилежной и толковой ученицей. Речи ни о каких ранних любовных похождениях быть, при таком правильном окружении, не могло. Сама же Лида залезла в кладовку через маленькое окошко на первом этаже, где оконную решетку очень легка отодвинуть, а потом пристроить обратно. Скидывала потертые маты, извлекала библиотечные книги из рюкзака, включала лампу и подолгу читала об открытии языка майя и о том, как важно бережно обращается с древней краской из перетерты ракушек.

Иногда на особенно увлекательный параграфах, Лиде удалось забыть, где она находится и тогда, бесконечный день проходил не зря. Но чаще она вспоминала, что дома вновь запивший отец, который, наверняка, потерял работу. Мать, берущая дополнительные ночные смены. Она с нескрываемым облегчением радуется, когда слышит, что Лида остается ночевать у подружки. Потом, украдкой протягивает дочери деньги, стараясь таким образом извиниться, грустно улыбаясь одними глазами, с застывшим смирением.

Лида спит на матах, завернувшись в кожаную куртку, подаренную сестрой и иногда, когда становится совсем тоскливо, и ночной сумрак заставляет тревожно вглядываться в дальние углы, угрожающие невидимыми щупальцами мрака, думает о Ленке, сбежавшей из дома, туда, где всегда спокой-

но. Сестра там может играть на пианино когда захочет. Лена любила музыку, с самого детства что-то напевала, выступивала и высвистывала. А потом, по закону жанра, пошла учиться в петрозаводский колледж на социального работника. Не то, чтобы это было осознанное желание пятнадцатилетней девочки, едва закончившей девять классов. Туда отвезла абитуриентку мама, в надежде, что Леночка, такая добрая и светлая девочка, найдет в помощи нуждающимся свое призвание. А светлая девочка вернулась через полгода, закрылась в комнате и начала играть на пианино сутки напролет. Благо, это «постоянно» выливалось в продолжительные симфонии, имеющие перерывы. И, если, Лида научилась спать в берушах и наушниках, то мама с папой не научились. Все закончилось в марте несколько лет назад. Отец, вернувшийся домой после закрытия лесничества, уже изрядно выпивший и явно раздраженный переменами, прихватил кусачки, валяющимися у вечно чинящейся машины. Принялся бить по лаковому корпусу инструмента, за которым сидела дочь. А так они жили «душа в душу» еще полгода, пока Лена не познакомилась в интернете с парнем и не сбежала к нему в Питер, ни сказав и слова. На прощание младшей сестре она оставила кожаную куртку, энциклопедию и глубоко несчастную маму, после Лениного побега едва не слегшую окончательно.

Спокойная и рассудительная Лида принялась стараться для всех. Для мамы она пыхтела, училась, имела большую цель, не шаталась с кем-то странным, готовила, убирала. Для

папы она периодически раскладывала шахматы и предлагала поиграть, когда тот был в настроении. Для всех остальных, она была тем человеком, кого ставят в пример – старательная и прилежная ученица с внутренним стержнем. Девочка никогда не жаловалась.

Но, поганые птицы, принесли на куцах серых крылышках неприятности, сыпавшиеся на голову одна за другой. Полтора года спустя, после продолжительной завязки, отец вновь приложился к бутылке. И запои эти, проходили чрезвычайно непредсказуемо. Отец вместе с бутылкой водки был агрессивным, жестоким и опасным. И тогда начинался замкнутый круг, Лида боялась бросить маму, мама боялась оставить Лиду. И они обе старательно прятались от неадекватного отца, размахивающего речным домкратом.

Лида убеждала себя, что обожает школу. Исключительно поэтому она с радостью остается здесь, в крошечной кладовке, где пахнет пылью, ссохшейся резиной и старыми тряпками. А слезы копились внутри, точили сердце, но так и не выливаясь, высыхая, до того, как выкатится из глаз. И, наверное, юная бездомная могла бы скрывается продолжительное время. Но Еся, вечно соглашающийся по доброте сердечной выполнять мелкие поручения, как-то после уроков перетаскивал развалившегося «козла» в подвал, решил запихнуть снаряд в кладовку, где обнаружили признаки жизни. И главным из них был приметный оранжевый рюкзак.

И эта находка не осталась проигнорированной. Очеред-

ным пугающе-бесцветным вечером, когда Лида, поклонявшись по округе, залезла «домой», Еся развалился на матах и листал библиотечный учебник по истории древнего мира.

– Ты....

– Да, ну и жили же люди. Пирамиды, храмы, красота. Справлялись же, без кроватей, холодильников и нормальных окон. Решила воспроизвести? Ты тут давненько кантуешься? Романтика странствий захотелось что ли? – Он обеспокоенно смотрел на одноклассницу, замершую около открытого окна

Лида поправила волосы, собираясь с мыслями.

– Да лень домой возвращается. Мне тут нравится.

– Нравится говоришь? И давно ты так, кх, наслаждаешься уединением?

– Да, вообще не очень.

– Очень странно, почему тогда у тебя много носков и трусов сохнут на шведской стенке?

Парень сел по-турецки и внимательно, выжидательно, посмотрел на девочку.

– Давай серьезно, хорошо? Ты же знаешь, что я – староста. Не по принуждению, а потому что сам вызвался. Староста, который пытается решить все проблемы тех, кому плохо в нашей школе. И не спрашивай почему. Просто я хочу, чтобы школа была мирным местом, где все чувствуют себя, как дома. Да, ты определенно здесь как дома, но это... Странно? Ночевать тут? Да в коморке заплесневелой заживо сгнить

можно. Пойдем – ка для начала ко мне домой, там пустует удобная кровать, есть летний душ и еда, за которой еще нужно сходить в магазин. Ну что?

Лида открыла рот, собиралась отказаться, что-то пошутить и выпроводить странного парня, вечно сующего нос не в свои дела. Но внутри что-то заскреблось, умоляя, не оставлять напуганное нечто снова здесь.

Понимаешь, у меня сестра маленькая дома, мама в рейсе. Если б ты просто согласилось, мы бы быстрее переместились домой? Ну, будет весело. А завтра что-то точно придумали бы? Ну, как на это смотришь? – Он выглядел дружелюбно и искренни, будто действительно был заинтересованно в безопасности всех, в том числе и Лиды.

Еся встал и протянул руку, неловко наклонившись вперед. И желание отказаться улетучилась безвозвратно. Ребята вышли из школы через черных ход и, так и не попав на камеру наблюдения, всящую у крыльца, перебрались на улицу. Сульозеро было очень похоже на Гемлы. Здесь та же центральная аллея, вокруг которой шеренгой выстроились деревянные, каменные и бревенчатые домики разных сложений. Наверное, приедем дома показались бы скучными и посередшими от времени развалинами, но Лида видела в них былой шарм, изящную резьбу на изразцах или элегантное крылечко с ажурными перильцами. В строениях теплилась искра жизни, заложенная теми, кто уже давно умер. Это было большая историческая карта обитателей поселка и того, как

они представляли свое жилище. Кто-то видел его серым и простым, кто-то украшал, а кто-то забрасывал, не стремясь к каким-либо изыскам. Дома, как и люди, были разными и от этого удивительными.

Помимо жилых домиков в поселке имелся пункт медицинской помощи, около которого в будке жила дворняжка с рваным ухом. Площадь, где стояла памятная табличка, посвященная сражавшимся в годы войны на этой земле партизанским отрядам, и четырехугольный памятник неопределенной формы, огороженный много раз крашенным железным забором. Слева от площади стоял продуктовый магазин «Анютины глазки», а справа – магазин «Светлана», где продавалась всяческая хозяйственная мелочевка, начиная от спичек и заканчивая грунтом для цветочных горшков.

– Подождешь? Я быстро. – Еся быстро зашел внутрь продуктового магазина, звонко поздоровавшись с продавщицей.

Лида присела на скамейку, установленную заботливым владельцем магазина для нерасторопных бабушек, любящих проверить покупки после оплаты, что было очень мило и даже трогательно. На улице начинался май, пахло высушенной землей и древесным соком, еще не напоившем листочки, но уже побежавшим по венам деревьев. А еще пахло тишиной, которую хотелось потрогать руками. Поселок дремал, разбрызгивая свет от включенных ламп на пыльную дорогу, чудилось, что жизнь, будучи несколько мгновений назад безнадежной, постепенно отряхивалась и делало шажки по осве-

ценной дорожке. В лучшем.

– Ну что, пошли. Хорошо, что до закрытия успели, почти восемь. Держи. – Еся протянул Лиде стаканчик шоколадного мороженого.

– Но...

– Да видел я как, ты его покупаешь. Ты вообще, чем питаешься? Мороженым и пирожками из столовой? Хотя, согласен, я б тоже так питался, но дурной пример заразителен. А Мила и так ничего не ест.

Еся жил в доме с большими окнами и просевшим фундаментом. Строение было старое бревенчатые и весьма добротное, в свете апрельского вечера, делавшего мир совершенно серым, оно выглядела особенным, кое-где заполированным временем и дождями. В одном из окошек горел свет, и качалась яркая сиреневая штора с крупными ромашками.

– Ну проходи. – Еся открыл перед гостьей дверь, пропускающая вперед.

В доме было прохладно, можно сказать, что холодно, видимо, толстые бревна не пропускали нагретый воздух. Пахло пылью, влагой и варящимся супом.

– Зяблик- кораблик, ты где?

На окрик из комнаты с сиреневыми шторами вышла девочка, завернутая в пушистый красный плед. Она училась в третьем классе, но имя, имя...

– Мила, поздоровайся, это Лида, она пришла суп поесть, поспать и, возможно, послушать сказки? Ну, что покормим

ее?

Мила внимательно посмотрела на девушку огромными золотисто-зелеными глазами, которые сразу же натолкнули на мысли о весеннем лесе, зеленым, покрытом дымкой первого клейкого сока. Красивые у девочки были глаза. Красивые и одновременно пугающие.

– Привет. Пойдем. У нас только щи, я их не очень люблю, но сегодня уже их ела. Правда...

– Да я купил фарша. Котлеты с картошкой, сейчас будут только, надо еще воды в душ натаскать и... – и Еся засуетился, не зная за что хвастая первым.

– Мила, слушая, давай я приготовлю. Я умею, ты мне покажешь, где что лежит. А Есений пока с водой поносится, да? Есений? Лида сняла куртку и поежилась.

– Отлично, я тогда пошел. И вот, – Еся кинул Лиде толстовку, висящую на крючке при входе. – У нас холодно, надень. – И вышел на улицу, чтобы принести воды из колонки.

На кухне было тесно. Огромный овальный стол на здоровых лакированных ножках занимал все доступное место, за ним было очень удобно сидеть, но ходить мимо туда-сюда между холодильником и крошечной двухкомфорочной плиткой – не очень. Но Лиде понравилась кухня Смирновых, тут пахло микстурой и сушёными травами, аккуратно висящими около входной двери. Рядом с плитой, на единственном свободном от кухонной утвари месте постукивали часы со стеклянной дверцей и узорчатым маятником, похо-

жим на перевернутый половник. Пару деревянных шкафчиков, оклеенный пленкой с цветочным узором, украшали железные ручки в виде олений голов, а внизу, на низкой тумбе, стояли алюминиевые банки в красно-белый горошек, где, очевидно, хранились специи и крупы.

Лида быстро налепила котлет, стащив немного молока, лука и муки из старенького пожелтевшего холодильника. А потом девочки сообща начали чистить картошку.

– Почему у меня не получается так же быстро чистить картошку? Я никогда не научусь, – обреченное сказала Мила, дочищая вторую кособокую картофелину в то время, как Лида справилась практически с десятком.

– Как говорится, всему свое время. Если ты будешь медленно чистить картошку, то тебе обязательно помогут, а вот если ты будешь раньше срока справляться – попросят еще и моркови начистить. Поэтому, лучше не спешить.

Мила принялась резать хлеб. Котлеты, снятые с плиты, уже стояли на столе, водруженный на старый журнал по садоводству. Картошка захлебывалась в крахмальном кипятке, и как раз к этому времени вернулся Еся с ведрами в руках.

– Подвинь немного, – он поставил на свободную конфорку алюминиевое ведро, доверху наполненное водой.

А Лида с грустью вспомнила, как когда-то давно, отец так же носил воду в дом, они так же ее грели, а потом, шумно топая, ходили мыться в ушате, поставленном в сарай. Баня, с проломанной крышей была неисправна, с купанием справ-

лялись так. И это было уютно, хорошо и душевно. Только очень давно.

Сейчас, сидя за огромным, очень старым столом, накрытом истертой клеенкой, Лида чувствовала себя в безопасности, впервые за этот сумасшедший месяц, принесший чудовищные перемены. Мила ела вторую котлеты, а Еся, расстегнув три пуговицы неизменной красной рубашки сидел, и пил сладкий черный чай, слегка прихлебывал, наслаждаясь вкусом.

– Спасибо. Еся, большое тебе спасибо. – Лида благодарно посмотрела на одноклассника, который привычно дружески улыбнулся.

– Да ладно, считай, что я тебя в гости пригласил. Тут второе ведро догреблось, клювом не щелкай, иди мойся.

Мила внимательно посмотрела на Лиду.

– Ты ушла из дома? Или ты от духов прячешься?

Лида начала было отнекивается, а потом спросила:

– Да ушла. Но, что за духи?

– Ну, у вас в Гемлах много Хийси. Они не довольны, что станцию построили, до этого злились, что лес шумно рубят, спать не дают. А недавно, они, набрались сил, оттого что древесный сок растаял, подговорили старые доски у вашей школы треснуть, а их – раз и утащили поглубже, поближе к земле. Но, вы не оставляете им молока, шумите, дома их разрушаете, они очень недовольны.

Лида смотрела на светловолосую девочку, которая по-

дробно описывала процесс разрушения школы. Хотя сама там и не бывала.

– А... Откуда ты знаешь?

– Ну как же, я же с ними дружу. С народом Хийси, они и у нас тут живут, я их задабриваю, весной деревья новые на свет из чащи вытаскиваю, они со мной и разговаривают. А у вас лес дряхлый, ваши Хийси старые и зле, потому что чувствуют, скоро отправятся к хозяину леса на поклон. И будет он решать забрать их с собой в мир, что над нами, или навеки опустить их в сырые болота. А еще...

– Стой, стой, стой. Напугала ты Лиду, ну. Она же не знает ничего, а ты сразу лучшие истории из своих закромов достаешь. Ух и выдумщица. Мила такие истории рассказывает, закачаешься. А все благодаря книжке одной, где она эти сказки прочитала, а потом как понеслось. Теперь даже я в божествах местных немного разбираюсь.

– Ничего это не сказки! Книгу написал, вообще-то, когда-то из житель нашего поселка. Там так и написано, что это культурное наследие Сульозера. И если писатель собрал истории, то кто-то ему их рассказал. Значит не только я вижу Хийси, значит люди их тоже видели.

– Сказки? То есть легенды? Здешних краев? Такая книга есть? Ой, а покажи, я тоже очень легендами увлекаюсь. Знаешь, что былины народа открывают миру дорогу к тайнам, которые могут скрываться тысячелетиями? По крайней мере, самые известные археологи начинали именно так. Анализи-

ровали сказания, слухи, басни и шли исследовать местность. А потом находили невероятные вещи. Ты знаешь историю о том, как нашли храм Артемиды? Прямо в новый год, спустя пятнадцать лет поисков, археолог упал в яму, а там ... А можно эту книгу?

Мила счастливо улыбнулась и, все так же завернутая в плед, понеслась в свою спальню.

– Ты это, про археологию, серьезно? Тебе нравится? Судя по всему, ты много об этом знаешь, – Еся допил чай и подлил себе еще.

– Ну да. Это же просто огромное чудо. Представляешь, вскапываешь холм, а там ваза, которой больше тысячи лет. Или письма. Ты слышал про петроглифы? Так вот, это письма древних людей... И еще.

– Почему ты так же запальчиво не рассказываешь про увлечение в школе? Ты обычно молчишь или выдаешь какие-то колкости. Если бы я, как и многие, кстати, перестал бы к тебе обращаться, ты бы совсем замолчала?

– В общем, наверное, да. Это же мало кому интересно, а говорить ради пустых разговоров, я не особо люблю, хотя сейчас я бы с радостью поговорила. У вас так хорошо. Чувствую себя дома. Если бы не твоя красная рубашка, которая меня нервирует, то было бы еще лучше. Почему ты вечно ходишь в красной рубашке? К твоим рыжеватым волосам она не подходит, на винтаж не тянет, да и вообще, всякий приличный вид она давненько потеряла, так почему?

Еся рассмеялся, слегка покачавшись из стороны в сторону.

– Да, я тебе слово, ты мне десять. Действительно, настроена поболтать. Ну, в общем, у меня просто две такие рубашки. Вернее, не так. У меня всего две рубашки, подходящие мне по размеру. Я за прошлый год очень вырос. И эти рубашки- прощальный подарок моего папаши. Он, как и мама, проводником был на поездах дальнего следования, это его форма. Уж не знаю, как он ушел и не забрал форму, как за нее потом объяснялся? У меня просто больше нет подходящих рубашек. Только красные. Только красные рубашки или старые футболки, в которых позорно ходить в школу. А нет. Есть еще свитер черный, но это для страшных холодов.

Лида виноват потупила взгляд, ощущая, что полезла не в свое дело.

– Хм, твоя мама, наверное, много работает, чтобы вы нормально жили? Куда она ездит?

– Она за двоих работает после того, как умерла бабушка, хм, последние полтора года тяжело живем. Но, прошу заметить, мы справляемся. Я иногда в магазин на разгрузку подряжаюсь, меня там почему-то любят, работенку подбрасывают, а как школу закончу, так в колледж поступлю, там стипендию обещали, работать смогу. Чуть-чуть осталось и заживем. Выправим Миле спину, пролечим ее, маме хорошие зимние сапоги купим.

– А что...

– Вот, держи, только аккуратно, – Мила положила перед девушкой толстую книгу в изумрудно-зеленой обложке, на которой витиеватым шрифтом было выбито «Сказы лесов близь Сульозера».

Это была старая книга, нельзя сказать, что она оказалось древней, датой печати значился шестьдесят седьмой год. Но самое удивительно имелась надпись, некий эпитафия, о том, что книга эта была издана благодаря историям и жертвованиям жителей посёлка Сульозеро. Лида листала томик и понимала, что перед ней лежит подлинный клад, так сказать находка, которая отдает тайнами древностями, загадками, может к чему-нибудь и привести.

– А кто автор этой книги, там написано?

– Написано, что истории записаны со слов местных жителей. Но, я знаю, что это все сохранила учительница нашей школы. Бабушка всегда говорила, что она была вылитой дочерью Ахти, что прекраснее нее, она не видела людей...

– Да бабушка еще та была любительница басен. А ты чего сидишь, рот раскрыла, давай, ведро в руки и в летний душ мыться, сейчас принесу полотенце. А ты, сказочница, руки в ноги и в кровать. А то Лида вернется, а я вам сказку из вредности читать не буду.

Лида улыбнулась и, пока Еся утаскивал девочку в комнату, пошла мыться, размышляя, о том, кто такой Ахти и почему тот ее должен утащить. После непродолжительной борьбы с душем и непослушными струями воды, не желавшими

литься в нужном направлении, Лида наконец почувствовал себя человеком. Теперь от вынужденной бездомной наконец пахло мылом равномерно, а не только местами, которые она смогла вымыть впопыхах в школьном туалете. Еся выдал однокласснице огромный розовый махровый халат и мужскую хлопковую пижаму, непонятного цвета и невероятного размера, что наталкивало на мысль, что та принадлежала как минимум их с Милой отцу, как максимум очень рослому деду.

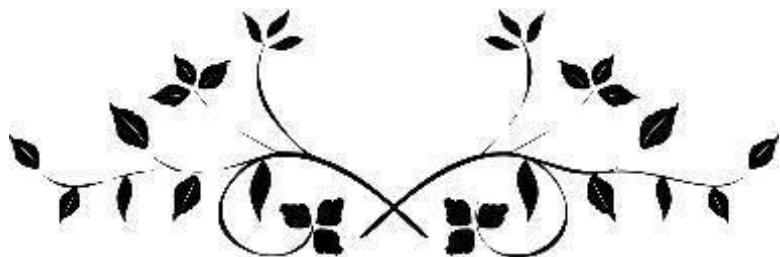
В мешковатом наряде, с полотенцем на голове Лида зашла в комнату, где все собрались спали. Милина аккуратная кровать с большим плюшевым медведем у изголовья стояла рядом с окном, напротив нее располагался диван, на котором, видимо, спали родители и Еся, в их отсутствие. А рядом с дверью, вплотную с шкафом стоял продавленное серое кресло – кровать. Еся старательно натягивал на подушки наволочки и кидал уже готовые на спальное место.

– Так, Лида ты спишь на диване. Там и одеяло, и подушка. Могу еще носки дать, а то у нас так и не нагрелось, а электричества мы будь здоров нажгли в этом месяце. Да и дрова, надо бы немного придержать до майских заморозков. Так что там про носки?

– Спасибо. – Лида была готова расплакаться. Парень действительно был золотым человеком.

– Товарищи, все по койке. Я буду читать сказку. Все закрылись поплотнее. Эх, да что ж такое – он встал, подоткнул

одеяло вокруг жизнерадостно улыбающейся Милы и, натянув на плечи свое одеяло, едва прикрывающее длинные ноги в старых кальсонах, уселся в кресло, начал читать, слегка картавя в некоторых местах.

Сказ о сотворении мира, Ахти и его дочерях

В мире, который появился из яйца, мало что существовало. Было много воды, что появилась из белка, золотое солнце, возникшее из желтка, и острые горы, основой для которых послужила скорлупа. Но мир, родившийся внезапно, не был пустым. Его наполняли духи и божества. Они жили в могучих лесах, что чернели на вершинах гор, в зловонных болотах, что появились из воды, в звенящих реках и чистых озерах.

И одним из них, обитающий во всех реках и озерах, что есть на земле, был Ахти, мудрый дух вод. И жил он в своем царстве, что находится там, куда стекаются все реки, пока однажды на землю не пришла великая засуха. Трава пожел-

тела, обратившись в пыль, земля, изнашивающая от влаги, покрылась глубокими ранами трещин, реки пересохли, озера обмелели. Ветер теперь носил из одного конца мира в другой безжизненный воздух, наполненный песком и отчаяньем духов, что потеряли кров.

Потерял свои владения и старик Ахти. Из последних сил забрался он под огромный холодный камень, что укрывал от убийственного солнца, да заплакал. Горько плакал бог о погибающей земле, о животных, которые примут мучительную смерть, если засуха не пройдет, о своих сияющих владениях заплакал и о жизни, которая даже у божества клонится к закату. Слезы стали складываться в лужицы, лужицы – в ручейки, а ручейки превратились в худенькую речку, потянувшуюся по горным ступеням, что прорубил себе бог поясным топором, поднимаясь к камню.

И потекла малая струйка воды, и стала наполнять жизнь долины, где пролегал ее путь. Постепенно речушка росла, крепла, с радостным воплем прыгала по каменным ступеням, рождая один водопад за другим. Но вольной водице вскоре стало скучно, и она повернула вспять, к духу, что породил ее. И, видно, высохла бы речушка, пока она текла туда-сюда, но на шум оживших водопадов к Ахти, что уже выбивался из сил, подошел великан. Был он очень сердоболен и, одним ударом обратил ровную землю под высокой горой, что давала тень, в глубокую яму, куда сразу же стали стекать слезы божества.

Так, капля за каплей ожили все реки и озера. Та самая первая река до сих пор, любит возвращается к озеру, из которого начался ее путь. Река та носит почётное имя – Суойоки, что означает глубокая. Именно она считается первой дочерью Ахти. Но у божества, что живет тысячи лет, конечно же, не может быть одной дочери. Так уж повелось, что после того, как на земли появились люди, Ахти стал спасением для многих утопленников.

Бог не спасал тех, кто вяз в болотах или тонул в озерах, Ахти обращал таких страдальцев в рыб, что во множестве водились в водоемах. Но люди, появившиеся в подзвёздном мире из милости божеств, оказались куда сложнее, чем могли предположить все древние духи, опустившиеся из небесных чертогов в грешный мир. У людей была неведомая тяга к жизни, непокорство и сила биться за свое. В их груди билось смелое сердце, не останавливавшиеся даже в воде, а затем и под водой. Таких гостей хозяин вод не мог обратить в рыбу, смелые гости обращались в хранителей рек, озер или болот. Чаще всего у них был хвост и огромная сеть в руках, которую они накидывали на плечи. Называли их Валламо. Но, так уж повелось, что такими спасёнными утопленниками становились в большинстве своем девушки, то называть их стали дочерьми Ахти – Валламо.

Существует поверие, что иногда, в год, когда небо живых, совпадает с небом высших богов, дочерям Ахти дозволяется вернуться на землю. Разрешается вернуться до следящего го-

да, когда миры вновь не соприкоснутся небесами. Но Валламо, редко пользуются такой возможностью, потому что знают, что будет ужасно тяжело возвращается обратно, туда, где слышится лишь плеск воды и не раздаются людских голосов. От одиночества хранительнице грустнеют и порой, когда печали занимает все их сердце и отчаяние накрывает с головой, они, девы, живущие в озерах, могут с легкостью утащить неудачливого рыбака, слишком близко наклонившегося к воде. Все дочери Ахти мечтают лишь об одном, избавиться от одиночества, несвойственное и отталкивающее для всем, кто когда-то был человеком.

Поэтому никогда не наклоняйся близко к поверхности озера или болота, которое ты видишь в первый раз. Духи могут быть очень зла по отношению к чужакам. А, чтобы умиловить владыку рек, достаточно опустить в воду краюшку хлеба или вылить кувшин молока, он его особенно почитает.

– Уснула. – Еся закрыл книгу и посмотрел на Милу, завернувшуюся в одеяло.

Лида лежала на краю дивана и смотрела в темноту медленно засыпающей комнаты. История постепенно тлела, опускаясь в сознание все глубже. Медленно лёгкое чувство восторга начало греть изнутри. Это была надежда в то, что остались еще загадки чтобы их разгадать.

– Эй, ты тоже спишь? – Еся сидел на краю кресла-кровати.

– Да, я сплю, а что. – Лида высунулась из-под одеяла.

– Да видел я как, ты слушала. Не спишь. Честно, я был не против, если бы ты оставалась здесь спать. Не знаю, что у тебя произошло, да и спрашивать не буду. Но, ты же знаешь, что люди, особенно тут, в замкнутом мирке, не самые, хм, дружелюбные. Рано или поздно то, что ты спишь у нес, будет расценено не так, как оно есть на самом деле. Знаю, уже проходил. И я это говорю не потому, что мне важно мнение людей, мне важно отношение этих людей к моей сестре и матери, которые здесь еще долго будут жить. Да и тебе, думается мне, не очень бы хотелось стать бельмом на глазу у всей школы. Так, стоп. Я знаю человека, у которого ты сможешь жить абсолютно спокойно, приходите к нам, послушать сказки и вообще...

– Спасибо, Еся. Большое тебе спасибо, – от всего сердца поблагодарила девушка.

– Спокойной ночи. Завтра будет математика, так что нам лучше не опаздывать, сказал парень, поворачиваясь на скрипучем кресле-кровати.

Глава 5. Куколка

Обычно, чтобы собраться в школу, Аняте требовалось немногим больше полутора часов. Сначала она тщательно мыла голову, используя всевозможные маски для осветленных волос. Потом, обязательно приходила очередь лица, пенка, тоник, сыворотка крем. Исключительно в таком порядке, потому что только правильный уход за собой выглядел дорого, так говорила мама. Потом Аня обязательно завивала локоны, долго красилась, чтобы добиться того самого эффекта «макияжа без макияжа», затем надо было выбрать блузку, такую, в которой на это неделе еще не ходила в школу. Затем юбку, аккуратную и женственную, потому что в штанах ходить не полагается, нет нужной элегантности.

За оставшиеся двадцать минут полностью собранная молодая особа ела остывшую овсяную кашу, оставленную тете Нюсей, заглядывающей пару раз день к девочке по просьбе матери. Та как раз уехала за очередными закупками, едва начинало светать. И, наконец, превратив себя во что-то более-менее сносное, Аня шла в школу. Начинаясь самая нелюбимая часть дня, когда надо было стараться оставаться милой, никогда не меняюсь в лица, лишний раз не вскипеть, не расстроится, ведь злобных никто не любит.

Правда, за последние полтора года к милой, приятной, очень вежливой и идеально одетой Ане мало кто проявил

внимание. И даже при условии, что на протяжении общения девочки в начальной школе, ее отец старательно пытался купить девочке друзей, заманивая их в гости дорогими игрушками и вкусностями, приятелей у нее не было. Но школа, казавшаяся враждебной и неинтересной, имела единственный светлый момент, ставшим смыслом жизни девятиклассницы. И этим смыслом для Анюты стала окрыляющая влюбленность в молчаливого одиннадцатиклассника, который, казалось, вообще мало кого замечал рядом, что играла девочке на руку.

Тайная воздыхательница могла во время перемены заглянуть в класс, где у него намечался урок, в очередной раз позавидовать умной Настьке, сидевшей с ненаглядным в одном кабинете каждый день. Кулемина собиралась поступать на юрфак в Питер, отчего до Коли ей не было никого дела. Парень обычно приходил к третьему уроку, легкой походкой во время длинной перемены проносился мимо Ани, уже знавшей его привычку являться именно к уроку литературы, усаживался на последнюю парту, ту, что ближе к окну и, закинув в рот горсть конфет, принимался смотреть в окно.

Девочке нравилось наблюдать за парнем через полуоткрытую дверь, стоя у окна в коридоре, слегка привставая на носочки и так высоченных туфель. Коля Фальков выглядел как настоящий принц из какой-то северной сказки про викингов или жителей севера. У него были длинные блестящие волосы, доходившие до плеч, около лица они были заплетена в

косы и убранные на затылке, что совсем не было похоже на замашки хиппи, как часто говорили учителя. Коля редко менял причёску, еще реже менялась его одежда, состоящая из серо-черной рубашки и бесформенных штанов с большими карманами, да старых кожаных ботинок, которые, вероятно, принадлежали еще деду, но от этого башмаки выглядели не менее драйвово. На шее высокий парень со странной причёской всегда носил черный камень с дырочкой, пропущенной через кожаный шнурок.

Аня искала похожее украшение, где только могла, но находила только идеальные камушки всех цветов радуги, какие могли придумать предприимчивые продавцы в интернете, но такого, как у ее любимом прогульщика, найти не удавалось. Аня даже путалась сделать что-то похожее, чтобы как-то невзначай, пройти мимо одиннадцатиклассника и спросить, из какого камня сделана его подвеска? Может быть, это бы помогло завязать диалог?

Но Коля проходил мимо нее в коридоре, лишь девочка успевала подойти к кабинету. Аня каждый день сталкивалась с равнодушием Фалькова, и насмешками окружающих, в отличие от одиннадцатиклассника, все понимавшими. Девчонки из класса частенько подтрунивали над привычкой Молотовой выходить после третьего урока и подолгу стоять напротив кабинета литературы. «Ну, все, пошла на свой пост. Принц сам на себя не посмотрит», – частенько слышалось в классе, оставшемся открытым на время пере-

мены. Но Аню не беспокоил шелест слов. Она к ним привыкла.

Два года назад Коли стал лучом света для Ани, потерявшую лучшую подружку, вернее, человека, который так назывался. Верочка являлась одной из немногих, кто вообще не отказывалась говорить с местной богатенькой блондиночкой, имеющей все необходимое и даже немного больше. Поселок в основном функционировал нормально, но жители, которые имели старенькую «семерку» или «Волгу» советских времен, доставшуюся еще от отцов, никогда не шикавали, потому что большинству было просто с нечего это делать. Но у Павла Молотого владельца двух магазинчиков и автозаправки, деньги водились всегда, порой бабушки, сидящие его около магазина, за спиной мужчины судачили, что денег у него много, а детей – Боженка не дает. Так действительно было, но потом, словно Бог услышал молитвы Аниной мамы, у четы Молотовых появилась любимая долгожданная принцесса. Мамина куколка и папина радость.

У Ани было все, начиная от трех видов кукольных домков и заканчивая батутом, раскладываемого на заднем дворе их прекрасного каменного дома по первой прихоти ребенка. Только вот, девочка росла излишне зажатой и не слишком симпатичной. Она не играла с ребяташками, стихийно сбивавшимися на улицах в ватаги и долго носившимся от одного дома к другому. На велосипеде дочка ездила лишь по заднему двору. Не ходила в гости к девочкам- ровесницам, хотя

отец и привез ей диковинку- пупса, что мог писать. Молотову просто не приглашали.

И дети, постепенно, стали относиться к ней, так же как их родители. Вежливо, но без лишних дружеских чувств. И, если кто-то и начинал с Аней беседу, оказывалась, что эти лишь потому, что ей или ему было что-то очень надо от «нашей блондиночки». Когда же с ней заговорила Верочка, казалось, все будет совсем иначе. Ведь они обсуждали недавно вышедший американский фильм, про красивых, необычных вампиров, где играл любимый актер обеих. И, кажется, все и дальше шло бы идеально, если бы, Вера одним погожим днем просто взяла и ни исчезла. Девочка отдалилась от Ани, прихватив набор коллекционных карточек с актерами того самого фильма. Бывшая подруга просто украла их, выставив все как шутку, от которой одной лишь Ани не хотелось смеяться.

Кажется, это произошло в начале осени, Аня сидела у Сульозера и смотрела на тетрадку с домашним заданием по русскому, медленно плывущую по поверхности водоема, покрытую веснушками опавших листьев. Аня в тот момент думала о том, что скажет мама, если узнает, что дорогой альбом с карточками, выпрашиваемый у отца в течении месяца с обещанием подтянуть оценки по языкам, пропал. Ушёл в дальнее плаванье вместе с Верочкой. Маме же обязательно укажет на оплошность Ани, которая вела себя с человеком не приятно, не было добра и учтива, не показала хорошим дру-

гом. Чего она еще хочет от родителей, исполняющий любой каприз принцессы? Пустоголовая дочь не может даже за вещами следить и с нормальными людьми общаться. И писать диктанты по русскому языку тоже не в состоянии.

А тетрадка по русскому все плыла, и не собираясь тонуть, и Аня задумалась, сможет ли она продержаться в озере безразличных и непонятных людей? В момент полнейшей сумятицы и духопадения появился Коля. Кажется, это было его первый учебный год, тогда он еще носил белую рубашку и даже какой-то отвратительный галстук в белки ромбик, старался прикидываться культурным мальчиком. Новенький тоже пришел к озеру, не ясно по какой причине, проста сел рядом, принявшись смотреть на тетрадь, упорно отказывающуюся тонуть.

Парень не сказал ни слова, ни через двадцать минут, ни через сорок, ни через час, когда тетрадь все же утонула. Десятиклассник просто сидел рядом и смотрел на постепенно темнеющую воду. И в этом молчании, как показалось Ани, было понимание или сочувствие. Но, несомненно, в его безмолвном присутствии, была товарищеская поддержка. Он тоже находился не на своем месте и понимал какого это. Сейчас Аня старалась себя убедить в том, что Коля Фальков не хотел плевать на девятиклассницу с высокой колокольни. Девочки нужна была надежда, поэтому сомнения Аня рьяно отгоняла.

Сегодня в последний учебный день перед майскими

праздники, как и всегда после третьего урока, она стояла на втором этаже и заглядывала в кабинет, где сидел одиннадцатый класс. Настя в лучших традициях образцовой ученицы, погруженной в процесс, листала справочники по единому государственному экзамену, недавно появившемуся и обещавшему облегчить поступление во все вузы страны. Коля качался на стуле и смотрел в открытое окно, реальный мир хоть сгореть до тла – он бы бровью не повел.

– Анята, ты как всегда здесь, – напугал девочку до жути подошедший из-за спины Еся.

– Еся!

– Да, знаю. Слушай, Анята, к тебе есть дело, пойдем обговорим?

Этот парень всегда был таким, сейчас он вновь попросил что-то для своих многочисленных подшефных, а Аня, как хороший и правильный человек, который должен помогать людям, обязательно согласится. Неужели Смирнову еще не наскучила эта игра в «хороших приятелей», выручающих друг друга?

– Да, что ты хотел? – Аня оперлась о стену рядом с подоконником и посмотрела снизу вверх на взъерошенного парнишку в вечно мятой рубашке непонятно-красного цвета.

– Я ведь правильно помню, что ты сдаёшь экзамены по истории? И что твои родители уже отчаялись найти тебе помощника, репетиторе или кого-то похожего? И шел разговор даже о репетиторе с проживанием, если он такое запросит?

– Да, преподаватель не нашелся, никто сюда ездить не хочет. Учителя из школы просто рукой махнули, ну я же безнадёжна...

– Стоп, стоп Анята, я сейчас о другом. Вернее, про безнадёжность, не Ирине Павловне говорить, она сама не до конца понимает, чем октябрьская от февральской революции отличается. Я о репетиторе. Он есть, вернее, она. Видела Лиду из моего класса? Она еще тот спец в истории и, ей вот позарез нужно где-то перекантоваться, понимаешь к чему я...

– Это та с Гемлов? Странно, что ты за нее просишь, она же вроде не местная, сколько она здесь? Месяц? Она или невероятный преподаватель, либо твоя огромная любовь, в чем я сомневаюсь, – Аня легонько толкнула Есю в грудь.

– Да к делу, в общем, это не относится. Поэтому, что скажешь? У тебя будет репетитор, у нее будет дом, ну?

– Хм, такое чувство, что где-то я явно проигрываю. Слушай! – Аня аж подпрыгнула на месте из-за блестящей идет, занявшей разум. – Ты же отвечаешь за праздник, ну на первом или когда там это будет? Тебе будут нужны люди, ага. Можешь в этот раз вместо Насти в список меня внести?

– Хочешь поработать на благо родного поселка? С Коляном? – Еся усмехнулся. – По рукам, только, это будет тимуровское облагораживание территории или что-то в этом роде. Попахать придется.

Ребята пожали друг другу руки.

– Лида тебя внизу ждать будет, хорошо? После школы.

Аня только кивнула и засемила на первый этаж, стараясь аккуратно ступать по вытертым от времени и очень скользким ступеням. Уроки тянулись медленно, словно насмехаясь над девчонкой, каждые двадцать минут глядящей на наручные часы с надеждой, что срок вышел. В итоге ежедневной бессмысленный ритуал завершился.

– Эй. – Лида окликнула девочку, когда Аня вышла из школы, после затянувшегося занятия по биологии.

– Привет, спасибо, что согласилась. – Лида без предупреждения обняла Аню, застывшую в странной позе от неожиданности.

– Да в общем, тебе спасибо, что согласилась поднатаскать. Все отказываются. Пойдем, зайдем к отцу в магазин, скажем, что теперь ты у нас живешь, и мы готовимся к экзаменам.

Лида молча шла рядом, размышляя о том, что эта девочка с тонкими как у ребенка запястьями того и глядишь упадет, топая по еще не до конца высохши грунтовой дорожке в ботильонах на тонюсеньких шпильках. И в знак подтверждения Лидиных мыслей, Аня запнулась и, не успев сгруппироваться, упала на дорогу, ударившись локтем о валяющуюся на дороге огромный кусок битого шифера.

– Да что ж, – Аня быстро приподнялась, продемонстрировав порванные на коленки капроновые колготки и разбитую в кровь коленку

– Ты в порядке? Не сильно ушиблась? – спросила Лида, садясь на корточки перед согнувшейся Аней.

– Новые ботильоны, кажется, я их порвала. – Аня была готова вот-вот заплакать.

– Наверное, это не самое страшное? Всего лишь обувь. Зачем ты вообще в этом орудии пыток ходишь. Слякоть на улице, я даже в ботах своих ухитрюсь падать, а ты на своих рюмочках еще и передвигаешься.

– Чтобы быть женственной, надо носить туфли. Если я лицом не вышла, поведением должна компенсировать. – Аня тихо произнесла заученную фразу.

– Кто этот бред сказал вообще? – Лида непонимающе смотрела на собеседницу.

– Моя мама. Пойдем быстрее, чтобы обувь не намокла, – Ана, кое-как поднявшись, заковыляла в сторону магазина, припадая на одну ногу.

– Обопрись, ага, вот так. Пошло. – Лида подставила девочку руку, и они пошли к зданию вместе.

В «Анютиных глазках» было много конфет в выцветших фантиках с ценниками из желтой бумаги. На заляпанных витринах, прикрывающих пакеты с молоком и упаковки творога, громоздились консервы из рыбы и овощей. Над входной дверью нервно звонил колокольчик, дергающийся от любого порыв ветра, а за кассой сидела Анина мама-тетя Света и курила, стряхивая пепел в переполненную пепельницу.

– Мама, привет, – Аня помахала женщине с порога, старясь не демонстрировать то, что хромает.

Та бесцветно улыбнулась.

– Мам, это Лида, в общем, помнишь папа искал мне репетитора? Она согласна. Она в десятом классе, и берется со мной занимается, чтобы я набрала минимум. Скажи классно?

Женщина опускает сигарету в металлическую пепельницу, выполненную в форме индийского слона.

– В общем, не плохо, что по вопросу оплаты, Лида?

Лида замялась.

– Я знаю, что вы были бы не против репетитора с проживанием. Если у меня был бы крыша над головой на время учебы и еда, хоть иногда, я была бы очень довольна. Занималась бы с Аней пять дней в неделю?

– Ты из дома что ли сбежала? Если да, то такого добра нам не надо. – Анина мам провела по лбу широкой ладонью, стараясь скрыть свое недовольство.

– Да вы что. Я из Гемлов, мне просто от вас было бы удобнее ходить, а то дома мне, ну в общем, не безопасно оставаться...

Женщина внимательно посмотрела на взволнованную девочку в огромной куртке, неловко уставившуюся на лоснящейся от грязи пол.

– Дай мне телефон своей матери, я позвоню и спрошу о том, знает ли она что-то о твоём спонтанном переезде. Или может быть номер отца?

– Нет. До отца вы все равно не дозвонитесь, он в запое. Вот номер матери, она не будет против. – Лида продиктовала

женщине цифры.

Женщина вдруг посмотрела на гостью с нескрываемым пониманием и теплотой, должно быть, догадываясь как трудно данное признание далось девочке.

– Ну что же, Аня, иди, проводи нашу гостью. Я вечером еду за поставкой. Отец придет поужинать, поэтому приготовь поесть, если тетя Нюся не придет, хорошо. И еще, Лида, подойди сюда.

Лида приблизилась к женщине поближе, ощутила смешавшиеся запахи сигарет и стирального порошка, который исходил от огромной клетчатой рубашки, кое-где расходящейся на груди. Тетя Света не была похожа на зашуганную маму, прячущуюся от отца по углам, скорее она была бы тем, от кого приходилось прятаться. Этакая Валькирия, случайно осевшая за кассой низкопробного сельского магазинчика – вот на кого походила Анина родительница.

– Если тебе нужна помощь, то только скажи. Я знаю какого это, когда отцы... Ну, ты понимаешь. Когда дома становится небезопасно. Ладно? Договорились?

– До свидания, спасибо. – Лида коротко улыбнулся неожиданному сочувствию.

Шикарный кирпичный дом с высоким кованым забором и молодыми раскидистыми яблонями по периметру прятался среди деревянных построек неприглядной внешности. Он был добротным, в меру вычурным, но все же инородным среди простецких жилищ соседей. Он выглядел, как Аня со сво-

ими блестящими туфельками среди оравы детей в поношенных кедах.

Но нельзя отрицать того факта, что внутри дом оказался еще интереснее. Лида подумала, едва перешагнула порог, что попала в самый настоящий особняк из приключенческих книг, где герой воровал золотой компас у какого-то старого графа или маркиза, проникая в секретную комнату величественного коттеджа или замка. Стены и пол были выстланы деревом разных цветов, в гостиной стоял большой диван с пушистыми подушками желтоватых расцветок, кухня, казалась настолько огромной, что ее смело можно было назвать столовой, поражавшей количество света, льющегося из огромный окон, прямо на стол на восемь персон.

– Пойдем, покажу тебе комнату. – Аня, наконец скинула ботильона и, зачеркнув дату в календаре, пошла на второй этаж.

– Аккуратнее, крутые ступеньки, и да, нам сюда.

На втором этаже за белой дверью, обклеенной аляповатыми желтыми цветами, находилась комната девочки. На светлых стенах висели репродукции картин, из которых Лида узнала только «Звездную ночь» Ван Гога, в углу стояла кровать, заправленная серым пледом, рядом с ней – шкаф, едва наполненный книгами и безделушками. На полу лежал светлый пушистый коврик, в дальнем краю комнаты возвышался массивный шкаф-гардеробная. Одним словом, комната была настолько хорошей, настолько и безликой.

– А тебе, вот это все нравится? – Лида указала на картины.

– Ну, мама считает, что это красиво. Раньше тут весели карты звездного неба. Но она сказала, что для девочки это странно.

– Но это же твоя комната, разве нет?

– А это их дом, разве нет. – Аня посмотрела на Лиду сморившимся, все понимающим взглядом. Так иногда мать объясняла дочерям почему их отец крушит кухню в дребезги, приводя разумные доводы.

– Пошли. Покажу тебе гостевую. Возьми постельное в шкафу, какое захочешь, вот на нижней полке.

Гостевая комнаты была один в один комната Ани, разве что окно выходило ровнѐхонько в крону старой яблони, возвышающейся на заднем дворе, и выцветших репродукций на стенах не наблюдалось.

– Уф, ну вот и твоя комната. Расположишься, приходи, я буду ужин готовить, хорошо? А, ванна по левую руку от лестницы. Если что-то еще надо, я на кухне.

Лида тут же упала на постель, ощутив легкую тоску по той теплой и ненавязчивой домашней атмосфере, царившую в доме у Еси. В том старом жилище было куда спокойнее, чем тут, в каком-то жалком подобии золотой клетки из кинофильмов, но это была отличная крыша над головой без невменяемого пьяницы. Глупо было желать большего.

Мама позвонила вечером, когда Лида закончила возится с грязной тряпкой, то и дело опускаая ту в ведро с серой водой.

– Доча, привет. Ты там как? Будто и из дома съехала, почти как сестра твоя... – Мама вздохнула

– Мам, не начинай, ладно. Ты же сама на работу сбежала, чтобы с отцом лишний раз не пересекаться. Я нашла, куда забиться мне, хорошо? Лето начнется, мне надо будет купить кроссовки, знаешь...

– Да вроде бы те, красные, были хорошими? Что случилось?

– Порвала их.

– Ладно. Надо, значит надо. Мне вот надо зуб лечить, я все деньги откладывала, но, видимо, надо отдать деньги за кроссовки.

– Я тебя поняла мама, можно и без них. Ты когда дома ночуешь? На первое майя?

– Вообще, я взяла смену. Если хочешь, можешь прийти на станцию ко мне? Там теперь даже буфет открыли, как в старые времена, кофе с пирожком?

Лида улыбнулась.

– Хорошо, как в старые времена.

Мама, почте наверняка, улыбнулась на том конце.

– Ну все, пока доча, встретимся скоро?

– Пока мам. Еще позвоню.

Лида как раз положила трубка, как к ней в комнату постучала Аня.

– Лид, пошли. Там папа, ну в общем он хочет с тобой познакомиться, да и ужин я как раз приготовила.

Анин отец был высоким и очень худым, у него были темные, немного беспокойные глаза, которые окружала сплошная сетка мелких и крупных морщин. Но при всем этом, он улыбался по-доброму, словно улыбка – это то единственное, что давало возможность его внутреннему «я» посмотреть на этот мир.

– Лида? Очень приятно. Можешь меня дядей Пашей называть. Я так рад, что у моей Анюты наконец появился друг. Ты знаешь, она у нас очень хорошая, только вот...

– Пап. Лида же поживет у нас? Гостевая просто так пустует? Тем более, она обещал мне с историей помочь? Ну и вообще, мне будет не так тоскливо здесь.

– Это только до конца экзаменов! Я прошу прощения за неудобства, просто Аня предложила, а у меня такая ситуация...

Мужчина помолчал.

– Ладненько. Главное – дом мне не разнесите. Ну и никаких молодых людей, кроме тех, которых я не знаю.

– Папа, в нашем поселке таких просто нет. Но мы тебя поняли.

После ужина Лида с Аней несколько часов прорешивали варианты заданий. Нельзя сказать, что Аня была фатально безнадежно, напротив, у приятельницы имелись какие-то базовые знания, но неуверенность, тормозила девочку катастрофически. Лида устала непрерывно повторять обучающей, что не стоит останавливаться на вопросе, который

она знает, лишь потому что тот кажется слишком очевидным.

– Слушай, может быть хватит на сегодня? – Лида внимательно посмотрела на хозяйку комнаты, которая уже слабо улавливала какую-то информацию, связанную с историей.

– Было бы отлично. – Аня вымученно улыбнулась и откинулась на спинку стула.

– Ань, слушай, а у вас есть какие-то книги? Ну, чтобы так, почитать просто так?

– Вон полка в коридоре. Бери, что хочешь, только там мало что есть. Что-то старенькое, из дедушкиного дома.

Лида вышла и принялась перебирать немногочисленные фолианты, среди которых были справочники по садоводству, старый учебник и конституция СССР. Так же среди книг нашлась уже знакомая- зеленая, такая же как у Милы, книга, написанная кем-то из местных жителей далеких сорок лет назад.

– Ань, я возьму вот эту, которая со сказками?

– А?

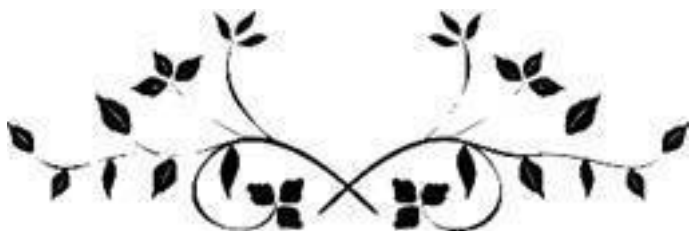
Лида вернулась в комнату и помахала книгой перед лицом девочки.

– Вот эту возьму. Хорошо?

– Да, бери. Это кажется, еще с отцовского дома книга, с бабушкиной или дедушкиной полки. Вряд ли ее кроме тебя вообще открывал последние лет десять.

Лида пожала плечами, схватила книжку и пошла к себе

в комнату, где, повалившись на жесткую кровать, открыла первую попавшуюся историю.

Легенда о небесном металле

В то время, когда небесный лучник, еще не спустился на землю, погнавшись за звёздным оленем, на небесах в кузне, которую держало Солнце, лили блестящий металл, что был цвета родниковой воды. Работали в кузни отважные герои, отправившиеся в рискованное плаванье по бесконечной реке. Да вместо того, чтобы прибиться к берегу сказочной страны, куда бежали они из голодных земных своих деревень, оказались в междумирье, где жили духи и иногда, от праздности, спускались из шатров небесных божества.

Работали отчаянные герои для того, чтобы выкупить себе проход в высшие чертоги, ведь там, говаривали старейшины, совсем нет лишений и горя. Там жизнь будет раздольной и счастливой, среди серебряный гор и изумрудных лесов, где рекой льется сладкий мед и нектар богов- черничное вино. Но, боги лишь посмеивались над глупыми смертными, пове-

рившими, что их счастливая жизнь находится только в их руках. Судьба человеческая никогда в полном смысле не принадлежала смертным, всегда, в какое бы время человек ни жил, боги решали дать жалком людишкам шанс или нет.

И пока наивные герои трудились, качая огромные меха, сшитые из кожи древних животных, что населяли междумирье. Пока они беспрестанно обливались потом, находясь в геенне огненной, боги наслаждались плодами их труда. И результатом таковым был удивительный небесный металл, который был легок, словно высушенная пихта, которой были украшены небесные шатры, и красив, словно Полярная звезда, вышедшая на черную сцену поднебесья.

Небесный метал имел цвет грозового июльского неба, сквозь серые брови которого проглядывали живительные лучи небесного светила. А еще металл умел петь. Он пел, когда попадал в руки богов и их потомков, звеня как весенняя капель, что билась о дно замкнутой пещеры. Но главным чудодейственной силой этого материала была способность напивать живительной силой черничное вино. Пускай божества не могли умереть от болезней или голода, но внутренняя сила, дарованная им вечным деревом, имела конец. Без нее божества лишались возможности творить большую часть небесных дел, становясь вечным сосудом, потерявшем внутреннее содержание.

Небесный металл был одновременно самой большой силой богов и самой большой их слабостью, чего, герои, рабо-

тающие на Солнечной кузне, не ведали до своего последнего вздоха. Ни один из них так и не увидел края вечного изобилия и покоя.

Лида закрыла книгу и подумала о том, что все, кто окружает ее, все, то когда-то окружал, всегда стремились куда-то высоко, не думая о незримом потолке, которым уготовила жизнь. О потолке, который обычным людям и богам был уготован с рождения. Правда в том, что, живя на земле, ты никогда не будешь владеть небесным металлом, как бы к этому не стремился. А если ты бог, можешь опасаться лишь того, что чарка с твоим черничным вином будет чертовски мала.

Глава 6. Демиург

Мама поставила перед Лидой чашку черного кофе и бумажную тарелку с двумя пузырчатými, жареными в масле пирожками.

– Ну чего, доча. Как твои дела? Совсем мы с тобой разбе-

жались.

Лида отхлебнула кофе и посмотрела на маму, таявшую на глазах. Последний раз отец пьянствовал столь продолжительное время как раз перед тем, как долбануть Ленино пианино. Той осенью сестра сбежала, а они с матерью еще с месяца три ходили вокруг Игоря Валентиновича на цыпочках, пока он, выплыв из алкогольного кумара, проспался и снова вышел на вахту.

Осенью было очень сложно, страшно и тревожно, и мама, чтобы хоть как-то порадовать Лиду каждые выходные выбиралась с ней к местной заправке, стоявшей раньше на трассе между Гемлами и Сульозером, там дамы садились за столик, потерявший всякую свежесть, брали один стаканчик кисло-горького кофе на двоих и пару пирожков, сияющие от жира. Лида думала, воскрешая моменты в памяти, что мама хочет порадовать ее. Сейчас, становилось очевидно, что мама просто извиняется за то, что творилось под крышей родного дома. За бесконечную опасность, крики и белую горячку.

– Да не плохо. Пока что выходит три четверки. Английский я учу, занимаюсь вот с девочкой историей, это на самом деле, интересно. В школе, так. Ну как обычно, в общем.

– Одноклассники новые как? Хорошие?

– Да, неплохие. Сосед у меня по парте забавный. Негласный староста всех мелких, его еще «папочкой» ласково называют.

Мама внимательно посмотрела на дочку и, неожиданно включив режим заботливого родителя, строго заметила:

– Ну ты, я надеюсь, голову на плечах-то держишь? А то мальчишки – это, конечно, приятно, вот только ненадолго, так сказать до...

– Мам. Ты спросила про одноклассников – я сказала. Зачем пошло завуалированное половое воспитание? Он хороший человек. Я не собираюсь рожать семерых по лавкам и переезжать в его старый дом только потому, что он любовь всей моей жизни. Я хочу в Питер. Хочу ездить по раскопкам. Хочу мир этот увидеть, как мой план может вязаться со спокойной семейной жизнью? Кому такая бедовая нужна-то будет?

Мама понимающе закивала, воодушевившись нужной реакцией.

– Правильно. Ты же знаешь... В общем, все нормально. Ешь пирожок, на следующей электричке обратно, к подружке?

– Нет, на той которая в пятнадцать часа, хочу с тобой подольше посидеть, ладно?

– Ладно, может еще пирожок? Там еще с картошкой остались. С собой возьмешь? Сейчас. – Женщина отошла за новой партией пирожков, а Лида допивала противный кофе и посматривала за окно, размышляя о том, что все повторяется и, несомненно, повторится еще ни один раз. Стоит ли тогда расстраивается? – Держи. – Мама поставила прозрачный

пакет перед девочкой.

– Спасибо мам. А ты-то где спишь? Здесь все хорошо? Ты прозрачная, как бумага промасленная, я беспокоюсь, честно.

– Да сплю я, у нас есть тут служебное помещение. А я смены-то беру, ой сколько. Тут и сплю. Хожу в буфетик этот, святое место. Смотрю Пуаро любимого, ну сериал тот французский, мне его девчонки наши молодые на телефон заказали.

– Мам, тебе только сорок три. В каком месте ты не молодая?

– Да, ладно. Брось ты, нашла молодую. Кому я такая, кошка драная, нужна вообще?

– Себе, мам. Давай попьем прост кофе, хорошо?

– Ладно, подай сахар. – Женщина принялась энергично трясти сахарницу, надеясь, что вместе с белыми кристалликами в чашку упадет и любовь к себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.